

НАТАЛЬЯ ТОЧИЛЬНИКОВА

АКУЛЯТА РУССКОГО БИЗНЕСА

18+

Наталья Точильникова

Акулята русского бизнеса

<https://litres.ru/73920108>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Акулята русского бизнеса» — это исповедальная повесть-воспоминание о поколении конца 1980-х и начала 1990-х, написанный от лица молодой женщины, оказавшейся в самом центре политических и экономических потрясений эпохи.

Это не только политический роман, это история взросления и утраты иллюзий, когда идеалы свободы сталкиваются с циничным миром больших денег, криминала и биржевых афер середины девяностых.

Жёстко, иронично, без самооправданий и прикрас. Книга человека, который прошёл через огонь 90-х и сумел не сгореть.

Имена персонажей изменены.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Наталья Точильникова

Акулята русского бизнеса

Глава 1

Я пишу эту книгу только потому, что у меня кончился срок давности. Я перелопатила весь УК, я просмотрела все статьи, которые могут иметь ко мне хоть малейшее отношение, я приплюсовала все, что можно приплюсовать. Кончился! Как ни крути!

Итак, вернемся на десять лет назад, ибо десять лет — срок давности по тяжким преступлениям.

Весна 1995 года.

Мы стоим в пробке перед выездом на Тверскую. По радио звучит песня «Наутилуса»:

Видишь, там, на горе возвышается крест.

Под ним десяток солдат. Повиси-ка на нем,

А когда надоест, возвращайся назад,

Гулять по воде, гулять по воде,

Гулять по воде со мной.

Ее сменяют новости:

— Сегодня возле подъезда своего дома был убит известный тележурналист Влад Листьев.

— Слав, Листьева убили! — говорю я.

— К тому шло, — замечает Славик.

В машине тесно. По одну сторону от меня Славик, по другую — охранник по имени Макс. Здоровый парень, в два раза шире хозяина. Стас вообще не отличается габаритами. На коленях лежат тонкие руки с длинными пальцами, они кажутся мне красивыми. На нем модный малиновый пиджак с золочеными пуговицами. На пуговицах надпись «Nino Richi».

На переднем сиденье еще один охранник и за рулем — шофер.

К нашему «Мерсу» подбегает маленькая грязная девочка и пытается продать журналы. Славик морщится и отворачивается, шофер закрывает окно. Мне ее жаль, я вдруг понимаю, что тот факт, что она по ту сторону лобового стекла, а мы по эту — не более чем случайность.

Мы познакомились несколько лет назад на каком-то митинге на Пушкинской площади. Над нами развивалось тогда еще запрещенное бело-сине-красное знамя, а, напротив, в пяти шагах, говорила длинную речь Валерия Новодворская.

Он увязался за мной, и мы гуляли по центру Москвы, помню, что дошли до Красной площади. Но я так и не дала ему телефона, что-то меня остановило.

Через пару дней он позвонил мне сам, сказал, что нашел мой телефон в списках партии «Демократический Союз». Уж, не знаю, как он до них добрался, но сам факт мне польстил. Значит, искал.

Ага! Я тогда состояла в этой не зарегистрированной и ассоциирующейся исключительно с именем Новодворской политической партии. Мне было двадцать лет.

А вступила я годом раньше, осенью 1989-го. Состоять одновременно в «ДС» и Комсомоле было запрещено уставом «Демократического Союза», поэтому я подала заявление с просьбой исключить меня из рядов ВЛКСМ, так как не разделяю взглядов, изложенных в программе этой организации.

Исключали комитетом комсомола. И очень просили остаться, не уходить. Говорили, что реформируются.

— Ну, как же? — спрашивала я. — Вот ваша программа, а вот мои убеждения. Как же я могу у вас остаться? Программа изменится — тогда и поговорим.

— Вы очень честный человек, — сказали мне.

И просьбу удовлетворили.

Я же не знала, что в комсомоле можно деньги зарабатывать.

К моему удивлению, из института меня не выгнали. Видимо, выгонять круглую отличницу, ни разу не замеченную ни в пьянках, ни в дебошах, было как-то уж совсем неудобно. На следующей сессии мне умудрились вклеить трояк по общей физике, но он так и остался единственной тройкой в зачетке, и был закрыт несколькими пятерками, так что не отразился на цвете диплома.

Когда я еще училась на первом курсе МИФИ, преподавательница Истории КПСС была от меня в восторге. Я не за

страх, а за совесть подробнейшим образом конспектировала ленинские работы, делала по ним доклады и вообще досконально знала предмет. А потом, год спустя, было собрание трудового коллектива института с открытым микрофоном. Обсуждали какие-то политические вопросы (где их тогда не обсуждали!). И вот, выхожу я к микрофону и слышу шепоток за спиной. Там, метрах в трех позади сидит та преподавательница, полная самых радужных надежд по поводу моего грядущего выступления.

— Наталья Волховская, — представляюсь я. — Член партии «Демократический Союз».

— Вот так! — раздается за спиной.

И тяжкий вздох.

Она же не предполагала, что я изучаю идеологию врага. Надо же мне было ее знать, чтобы бороться. Она даже не заметила тенденциозности в моих конспектах!

Той же осенью 1989-го из телефона-автомата (конспирация!) я позвонила моему школьному другу Пашке. Пашка был интересен тем, что закончил школу в пятнадцать лет, а в восемнадцать уже учился курсе на третьем ВМК МГУ. И у него был персональный компьютер — большая редкость в те времена.

— Паш, давай встретимся, — сказала я.

Он пригласил меня к себе в элитный сталинский дом на Ленинском проспекте.

В романе Солженицына «В круге первом» есть такой эпи-

зод. Семье прокурора Макарыгина дают новую квартиру. Макарыгин — отец жены того самого дипломата Володина, который звонил в американское посольство, чтобы предотвратить передачу СССР технологии создания атомной бомбы. И вот прокурор с дочерьми едет смотреть дом. Проезжают мимо решетки Нескучного сада, почти до моста через окружную железную дорогу. Здесь, у Калужской заставы, строится новое здание. Полукруглое, в восемь этажей. Стройка огорожена сплошным деревянным забором, поверх забора — колючая проволока в несколько рядов, над ним видны охранные вышки. Строят ээки, те самые репрессированные, в драных телогрейках и с интеллигентными лицами. Заказчик — Госбезопасность.

Так вот, это тот самый дом. Пашкин дед был когда-то генеральным консулом СССР в Канаде.

Кто бы знал, что здесь будет происходить сорок лет спустя, осенью 1989-го!

Пашкина квартира поражает причудливой смесью роскоши и нищеты. Роскошная библиотека и дорогие вещи, доставшиеся от деда, и современное запустение.

Я спрашиваю, не согласится ли он размножить листовки на своем компьютере.

— Слушай, а давай газету издавать? — говорит он.

— А давай!

Сказано — сделано. Газету называли «Дискредитация» в память об отмененном указе о запрете дискредитации Пре-

зидента. В смысле, именно этим мы и собираемся заниматься.

С тех пор Пашка называл меня «батенька» в подражание вождю мировой революции, как товарища по борьбе.

Первые три номера «Дискредитации» выходили на компьютере тиражом 200-300 экземпляров и разлетались на ура. Там были опубликованы мои шутки, миниатюры и первые стихи. А также несколько заметок Пашки и его соседа по даче на Николиной горе.

На ноябрьские праздники мы поехали в Питер и распространяли газету на демонстрации. Народ шизел. Брал человек экземпляр, просматривал и тут же возвращался за следующим:

— Дайте еще!

Газетка наша отличалась умопомрачительной наглостью. Например, в разделе «Реклама» мы предлагали приобрести советские флаги, уже пропитанные легковоспламеняющейся смесью.

Было весело. Идущие в наших рядах анархисты горланили песни: от «Варшавянки» до «С нашим атаманом». И еще одну, которую я больше не слышала ни до, ни после:

Все потеряно! Поздно каяться!

Апокалипсис! Апокалипсис!

Речь шла о Великой Октябрьской Социалистической Революции.

До сих пор люблю анархистов, хотя ни в коей мере не раз-

деляю их сумасшедших взглядов. Одного даже знала лично. Это был лидер анархо-синдикалистов Андрей Константинович Исаев. Я устраивала ему встречу со студентами МИФИ в клубе общежития. Теперь Андрей Константинович депутат Госдумы от «Единой России» и глава одного из комитетов. Анархистом он мне нравился больше.

После митинга, прямо на Дворцовой площади, мы с Пашкой развернули триколор и так сфотографировались. Этот флаг я сшила сама из трех кусков ткани, и он висел у меня над кроватью, вплоть до августа 1991-го. На митинги и демонстрации я брала его с собой.

Восемнадцатого января 1990-го года был митинг, посвящённый 72-й годовщине разгона Учредительного собрания. Все выходы из метро Пушкинская и Горьковская (ныне Тверская) перекрыли. Так что к памятнику Пушкину пришлось просачиваться от Чеховской.

На условленном месте уже было полно милиции и спецназа.

Я спокойно раздала листовки, на что ни те, ни другие не обратили никакого внимания.

Ко мне подошел мой деесовский знакомый Стас Фоменко (не путать со Славиком, это другой Стас).

Фоменко высок и усат. Симпатичный парень, но гораздо старше меня. Лет двадцать пять, а то и двадцать восемь, пять из которых он провел в тюрьме. Не «за политику». По молодости лет, за драку.

Я далека от того, чтобы его осуждать. Скорее сочувствую.
— Наташ, это ты «Дискредитацию» издаешь? — спросил он.

— Да.

— Классная газета! А не хотите на ротاپринт перейти?

— Еще бы!

— Делайте макет.

Частью по улице, частью по тротуару народ просочился к Моссовету. Там демократы с флагами, лозунгами и мегафоном обосновались на памятнике Юрию Долгорукому, то есть на ступеньках к нему. Было ужасно скользко, и мы бы съезжали, если бы не держались друг за друга. Я тоже подняла российский флаг, отдав второй конец какому-то парню (флаг был без флагштока). Площадь окружил спецназ, многочисленные жёлтые автобусы и чёрные машины с решётками. Митинг продолжался около получаса.

Потом началось наступление.

Пушкинская площадь, как и Советская — это место, где из нескольких тысяч демократов, желающих посидеть в тюрьме, выбирают самых достойных.

Первой арестовали Новодворскую. Когда менты оттеснили народ от Долгорукова, она осталась стоять одна с лозунгом, в полукруге спецназа, освещённая прожекторами и вспышками фотоаппаратов. Красиво! Когда я через пару минут посмотрела туда снова, Леры уже не было. Арестовали еще несколько человек.

Спецназу кричали: "позор", потом: "фашисты". Когда в солдат полетели снежки, несколько деесовцев встали перед толпой и призывали народ к ненасилию. В спецназ полетела мелочь в уплату за работу.

Всё было на редкость либерально. Член координационного совета ДС бедный Игорь Царьков полчаса держал плакат, у него окоченели руки, но его не взяли. Лидеру фракции «Демократических коммунистов» Андрею Грязнову удалось уйти, замешавшись в толпе. Других просто не взяли. После митинга я и ещё несколько огорчённых свободой деесовцев поехали в суд, на Бутырский вал, 7. Там собрался почти весь неарестованный ДС. После недолгих препирательств нам был представлен самый большой зал судебных заседаний. Часам к девяти привели и арестованных членов ДС, так что можно было начинать открытое, выездное партсобрание.

Осудили несколько человек: от пяти до пятнадцати суток. В том числе парня, который никакого отношения к «ДС» не имел, зато пытался фотографировать.

В тот январский день 1990-го года на сутки посадили еще одного мальчика, вся вина которого заключалась в том, что он был однофамильцем члена Координационного Совета «Демсоюза» Виктора Кузина.

И тут по залу суда разнёсся слух, что Новодворскую судят в другом помещении, и большинство деесовцев перебрались туда.

Валерия Ильинична стояла вполоборота к залу. На ней было синее пальто с каким-то бело-серым воротником. И такая же бело-серая шапка.

— Новодворская, почему стоите вполоборота? — спросил судья.

— Пытаюсь соединить приятное с полезным.

Бурные аплодисменты.

Судья:

— Есть ли судимость?

— Да, по статье 70-й, и она меня вполне устраивает.

Статья 70 — «Антисоветская агитация и пропаганда».

Раздаются аплодисменты.

Судья:

— Вы можете пользоваться услугами адвоката и давать разъяснения по делу.

— Адвокат нужен не мне, а советской системе, поэтому я буду только давать разъяснения по делу.

Бурные, продолжительные аплодисменты.

Судья:

— Сколько у вас было административных задержаний в этом году?

— Я сбилась со счёту, но думаю, что карательные органы ведут статистику.

— Принимали ли вы участие в несанкционированном митинге, проходившем сегодня на Советской площади?

— Да, я принимала самое активное участие в несанкцио-

нированном и ни в каких санкциях не нуждающемся митинге на площади, очень не хочется называть её Советской. Я думаю, её когда-нибудь переименуют в Антисоветскую. Принимала участие на этапах подготовки листовок, организации, произнесения речей, и у меня было два лозунга: "Румыния восстала, а мы терпим" и "Долой самодержавие КПСС".

— Подождите, Новодворская.

Валерия Ильинична садится на скамейку посреди деесовцев. Её угощают апельсином.

— Новодворская, встать, — говорит судья.

— Из уважения к Советскому суду? Не встану.

Судья:

— 15 суток.

— Почему так мало? Почему до сих пор не применили статью 190 прим? Бойтесь открытого уголовного процесса? Статья 190-прим — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

Бурные продолжительные аплодисменты.

Валерия Ильинична отдаёт апельсиновые корки товарищам по партии и объявляет голодовку.

Пашка зарегистрировался кандидатом в депутаты Октябрьского райсовета, и я работала его имиджмейкером.

— Так, выпрямись! Держись увереннее. И не говори, словно кисель переливаешь. Слова должны звучать раздель-

но, четко и весомо.

Пашка очень высок (метр восемьдесят три) и склонен к полноте. Но пока подтянут: любит ездить на велосипеде и гулять пешком по железнодорожным путям. У него светлые волосы и пухлые губы.

Пашка возвышается надо мной, и я слушаю его речь. Это мы репетируем.

Потом принимаемся за макет.

Он ужасен! Мне до сих пор стыдно за этот макет! Мы делаем его вручную, вырезая статьи, распечатанные на принтере, и наклеивая их на листы формата А3. Получается не очень ровно, клей растекается по листу. Мы разделяем статьи черным фломастером, линия то совсем не видна на проклеенной поверхности, то ложится толстым извилистым червяком.

Я вздыхаю.

— Паш, давай переделаем.

— Да, ладно! Вот еще!

Ну, ничего, это первый в моей жизни макет. О переделке, увы, придется забыть. Я еле раскрутила Пашку на этот. Ему бы все болтать, а не дело делать.

Зато название мне нравится. Мы набрали его правдинским шрифтом, и я собственноручно рисовала каждую букву. В качестве комментария под словом «Дискредитация» написано: «Независимое остродефицитное издание». На последней странице цена: 99 копеек. Это, понятно, идея Паш-

ки, знакомого с особенностями западной торговли. Тогда еще не ставили таких цен. И там же: тираж. 999 экземпляров. Издание с тиражом до 1000 экземпляров по тогдашним законам можно было не регистрировать.

Тираж появился 5 февраля в Вильнюсе, и в тот же вечер мне позвонил Александр Лукашов, лидер социал-демократической фракции ДС и издатель газеты «Новая жизнь».

— Наташа, я вас поздравляю, — сказал он.

— С чем?

— С «Дискредитацией».

— Очень хорошая газета. И "Светская хроника" про рыбу и, конечно, "Бойкот", — это апофеоз всего.

В разделе «Светская хроника» у нас была заметка про рыбу елец, выловленную в одной из подмосковных рек, и рассуждения о том, не будет ли в скором времени под Москвой ловиться рыба горбуша. Кто не в курсе, имелась в виду история с падением Ельцина с моста, очень тогда нашумевшая.

А «Бойкот» — это моя первая антиутопия — «Бойкот, или куда идет Демократический союз». За давностью лет она требует некоторых пояснений.

Дело в том, что в «Демсоюзе» я сразу оказалась в оппозиционной фракции. В ДСе на трех партийцев, как правило, приходилось пять фракций, и Валерия Ильинична ни в малейшей степени этим не возмущалась. Разногласия наши с генеральной линией партии (Демократический союз, а вы что подумали?) заключались в том, что большинство во гла-

ве с Новодворской приняло решение бойкотировать выборы в Советы, потому что сделать демократы все равно ничего не смогут, не обладая реальной властью, а либерализм будет дискредитирован.

Я считала это решение политическим самоубийством. Все равно, что ДСу в полном составе выйти на Красную площадь и коллективно самосжечься, о чем и рассказывалось в «Бойкоте».

В «Дискредитации» я печаталась под псевдонимом «Анна Шерфинд», но в выходных данных была указана моя настоящая фамилия.

Весь вечер я была совершенно счастлива, впечатленная лукашовскими комплиментами.

Но утром у меня раздался звонок, который был далеко не таким радостным.

— Это вы главный редактор «Дискредитации»? — спросил строгий мужской голос.

— Да, я.

— Это вас из КГБ беспокоят.

Он сделал паузу.

— Ну и? — спросила я.

— Сейчас мы приедем и устроим погром в редакции!

— Добро пожаловать! Только здесь ничего нет. Газета издается в Литве.

Страшно было очень!

Я села в кресло и глубоко дышала, пытаюсь унять сердце-

биение. Холодели руки.

Я готовилась, по крайней мере, к аресту, а может быть, и хуже.

Дальнейшие события развивались вполне в рамках детективного жанра.

Когда Стас Фоменко привёз тираж в Москву, он оставил его в двух сумках в камере хранения на Рижском вокзале. Пашка нашёл Стаса на Пушкинской площади и получил номерок на одну из сумок. Во второй сумке был левый тираж, который в четыре раза превысил основной и составил 4 000 экземпляров. Это явилось для меня некоторой неожиданностью, но скандалить я не стала. Издать в Литве газету и привести ее в Москву — большое дело. Я сочла, что мы расплатились по бартеру.

Итак, Пашка поехал на вокзал. Там его замели в милицию и, пригрозив трёхсуточным арестом, заставили написать добровольную сдачу. Вместо того чтобы предъявить удостоверение кандидата в депутаты, Пашка показал ментам студенческий билет. И мне стало совершенно ясно, почему у него трояк по математической логике.

Впрочем, я тоже была не на высоте. Сама же сказала, что газета печатается в Литве. Идиотка!

Пашку пока отпустили, но приказали прийти в милицию на следующее утро в девять часов.

И тогда я плотно села на телефон. Звонила правозащит-

никам и просила совета, как поступить.

Дозвонилась до знакомого мемориальца. Он дал мне телефон довольно известного правозащитника Владимира Корсунского, сотрудника редакции "Экспресс-Хроники".

Было около двух часов ночи.

— Демократы не спят, — констатировал факт господин Корсунский. — Ну, что случилось?

Я рассказала о конфискации тиража.

— А кто ваш издатель?

— Стас Фоменко, член «ДС».

— Это его характеризует с отрицательной стороны.

— Он связан с самиздатовским журналом «Право». Вызывает какие-нибудь ассоциации?

— Самые неприятные! А уж не из компании ли он Судакова, который из ДС?

— Да, они знакомы.

— Ну, вы облажались!

— Ладно, — сказала я. — А что делать?

— Так, с вашим юным другом дел больше не имейте, пока университет не закончит и не повзрослеет. А в милицию пусть не ходит. Будут проблемы — звоните.

Совета не послушались. Утром Стас Фоменко и Пашка пошли в милицию.

— Я хотел бы узнать, когда мне вернут мои вещи? — спросил Стас.

И ему вернули вещи. А Пашка написал расписку в полу-

чении.

Не иначе, мир перевернулся!

— Я не умею с милицией обращаться, — оправдывался Пашка. — Я же не сидел! А Стас сидел, он умеет.

Глава 2

История «Дискредитации» кончилась самым прозаическим образом. Дело в том, что у нас образовалась прибыль.

— Ну, семьдесят процентов мне, тридцать — тебе, — сказал Пашка.

— Что?! — возмутилась я. — Как это семьдесят тебе, тридцать — мне! Я мучилась с макетом, я написала в газету три четверти материалов, я занимаюсь распространением, там стоит мой телефон, и мне звонят из КГБ!

— Зато мой компьютер, — сказал он. — Больше должен получать собственник средств производства. И вообще, может, это и не КГБ было

— Пополам, — сказала я. — И ни копейкой больше!

Так как деньги проходили через мои руки, получилось по моему. Но у меня пропала охота вести с Пашкой дела.

А Стас Фоменко эффективно торговал своими четырьмя тысячами и неплохо заработал. Как-то он позвонил мне.

— Наташ, я твою газету Новодворской показал. Она смеялась до слез. Сказала: «Жаль, что автор не разделяет наших взглядов. Талантливые люди нам нужны».

Я была на вершине блаженства.

Наши недельные отношения с Пашкой еще теплились некоторое время, и весной мы даже вместе съездили в Ригу. В поезде я пересказывала ему «Оправдание добра» Влади-

мира Соловьева.

Но это было уже начало конца.

Тогда же Пашку избрали депутатом Октябрьского Районного Совета, и в МК появилась посвященная ему статья с большой Пашкиной фотографией. «Мне 18 лет, — называлась заметка. — Павел Коноплев — самый молодой депутат Москвы».

— Если я покажу это в Универе, меня убьют, — сказал Пашка.

А потом он познакомился с девушкой, которая работала в библиотеке МГУ. Девушка была блондинкой, и он окрестил ее «Золотой рыбкой».

Я просто мечтала о том, чтобы он пригласил меня на заседание райсовета, хотя бы в качестве друга. Мне бы было так интересно!

Но он повел туда Золотую рыбку. Мужская логика!

Золотая рыбка все время зевала и едва слушала дебаты — ей было чудовищно скучно.

Он звонил мне и рассказывал о своем увлечении.

— Знаете, батенька, а у нее блузка такая же, как у вас: черная с золотой бабочкой. Я теперь понял, что она модная.

Пашка познакомил с ней своего университетского друга Кира Злобина, выдав ее за меня.

— И это Волховская! — поразился Кир. — Это она читает Ницше и Платона? Не может быть!

Кира Пашка уважал. Оценивал его коэффициент интел-

лекта в 143, а свой всего в 140. Мне же навскидку великодушно давал 125.

Когда Пашки уже не было в живых, году в 2003-м, в «Науке и жизни» появилась статья о трагических судьбах вундеркиндов. И там было интервью с его матерью. Она сказала, что у него был коэффициент интеллекта 169. Не знаю, я ли неправильно помню, или она что-то путает.

Итак, наступило лето 1990-го, когда мы познакомились со Славиком, и я дала ему рекомендацию в «Демократический Союз».

Приближался первый съезд движения «Демократическая Россия».

Славик был то ли президентом, то ли председателем, то ли генеральным секретарем карликовой молодежной организации под названием «Комитет "Эхо"». В ней состояло всего человек 10. Но два мандата на съезд им дали.

Мало нам было двух мандатов. И дело вовсе не в голосовании. Прикоснуться к истории, поучаствовать в ней хотя бы в роли наблюдателей — вот чего нам хотелось!

В день открытия в вестибюле кинотеатра «Россия» (ныне «Пушкинский») нас собралось пятеро: Славик, я, Олег Маслов, который еще сыграет роль в этой истории, и еще двое ребят.

— Я сейчас зайду с кем-нибудь, — сказал Стас. — А вы идите вон туда, под лестницу.

Мы так и сделали. Славик оказался в метре над нами и

просунул мандаты в щель между лестницей и стеной. Мы их приняли. Мандаты были точно без фотографий. Не помню, были ли вписаны имена, но паспорта все равно не проверяли. Так что нас пропустили совершенно без проблем. Мы повторили операцию, просунув мандат Олегу, и он через пару минут присоединился к нам.

И мы вошли в зал кинотеатра, где уже собрались делегаты.

Я плохо помню события съезда, только отдельные моменты, гораздо больше запомнилась сама приподнятая атмосфера, известнейшие люди на расстоянии вытянутой руки и разговоры в кулуарах.

Я видела совсем близко священника Глеба Якунина, а с Олегом Румянцевым даже посчастливилось перекинуться парой слов.

Я тогда думала: «Вот это да! Я беседую с автором новой российской конституции!»

Как бы не так!

Не помню подробностей той конституции, но была хорошая. По крайней мере, ничто не вызвало у меня резкого неприятия.

Увы, та, что приняли в 1993-м, имеет с ней мало общего. Но тогда, в 90-м, мы были полны надежд.

Все-таки один момент кольнул меня уже тогда, была в нем какая-то червоточинка. Нам устроили перерыв и выдали талоны на бесплатный обед в ресторане гостиницы Россия. Роскошный был обед: из четырех блюд с вкуснейшим

красным борщом и десертом. И я подумала: с какой стати? И на какие шиши? На собраниях «ДС» не было ничего, кроме дыма от дешевых сигарет. А когда Пашка предложил устроить очередной съезд «Демсоюза» в помещении Октябрьского районного совета, Координационный Совет партии отклонил его. Чтобы не зависеть от властей. Кстати, глава Октябрьского совета Константин Заславский не имел ничего против этого съезда.

На повторных выборах осенью 1990-го года мы со Славиком баллотировались в Моссовет. По соседним округам. Представьте себе двух кандидатов в народные депутаты: одна девчонка двадцати лет от роду, другой — парень восемнадцати с половиной (мне всегда нравились мужчины младше меня). На все предвыборные мероприятия мы ходили вместе. Потом вместе собственноручно расклеивали и разбрасывали по почтовым ящикам листовки, целыми днями, так, что падали с ног.

Избирательная кампания обошлась мне в две стипендии. Встречи с избирателями организовывало тогда так называемое МОИ (Московское объединение избирателей), состоявшее из Клубов избирателей. Эти Клубы и выдвигали кандидатов.

Прекрасно помню собрание по выдвижению меня. Я изложила программу, вполне себе общедемократическую. Потом мне задавали вопросы, я — отвечала. А потом за меня проголосовали. Единогласно. Без всяких

рекомендаций, понуканий и административного ресурса, за девочку двадцати лет.

Председатель собрания раза в два старше меня годами посмотрел на меня такими глазами, что я потом поставила себе якорь на этот взгляд. По всем правилам НЛП, сжав кулак изо всей силы.

— Я буду голосовать только за вас! — восхищенно пробормотал он.

Чем же я их взяла?

Вероятно, двумя вещами: искренностью и бесшабашной смелостью. Я просто говорила то, что думала. Сейчас мало кто так говорит: все ориентируются на опросы населения и страдают страшной болезнью популизмом и еще более страшной хвостизмом. Я имею в виду желание упасть к кому-нибудь на хвост. К кому-нибудь авторитетному, уже завоевавшему доверие, к тому, за кого уже голосуют.

Мы не руководствовались опросами, у нас их просто не было.

На территории моего округа стояла военная часть. Я и пятеро моих соперников-мужиков выступали в огромном актовом зале, заполненном солдатами.

Мандражировала я страшно. У меня просто коленки тряслись! Однако к микрофону вышла и программу отбарабанила.

Представьте себе девчонку в джемпере с рынка и «вареных» джинсах. Темные волосы, короткая стрижка и задор-

ный взгляд. А на груди значок с изображением Солженицина в тюремной робе и надписью: «Жить не по лжи». Кандидат в народные депутаты, выступает перед солдатами.

В моей избирательной кампании был один неприятный момент. Авторитетные демократические политики во главе с Борисом Ельциным подписали обращение в поддержку кандидатов от «Демократической России», которое распространяли среди избирателей. Славик взял листовки с призывом голосовать за нас, приложил к ним снизу подписи из обращения и так отксерил. Получилось, что нас поддерживают конкретно Борис Ельцин и компания, в чем и расписываются. Стас показал мне свое изобретение.

— Я не буду это у себя вешать, — сказала я. — Это нечестно.

— Почему нечестно? Нас же поддерживает «Демократическая Россия»?

— Да.

Мы действительно были официальными кандидатами от «ДемРоссии», и наши имена стояли в списке демократических кандидатов, опубликованном в газете «Московская правда».

— А Ельцин, Явлинский и Гайдар поддерживают «Демократическую Россию», — продолжил Славик. — Значит, они поддерживают нас. Что же здесь нечестного?

— Нас лично они не поддерживают, — упрямо сказала я. — Все равно нечестно.

Он с трудом уговорил меня на один подъезд.

— Наташ! Ну, ради эксперимента!

Повесили листовки четыре. Мне еще долго было стыдно за этот эпизод.

У себя он обклеил ими весь округ.

Нам сделали предвыборные плакаты с большими фотографиями и краткими сведениями о нас. Я гордо написала, что вышла из ВЛКСМ по собственному желанию осенью 1989 года и вступила в «Демократический союз». И о том, что издавала газету «Дискредитация».

— Наташ, а можно я тоже напишу, что издавал с тобой «Дискредитацию»? — спросил Славик.

— Ну, ладно, пиши, — сказала я.

Дарю! Меня много! Да и чего не сделаешь ради победы демократии.

Славик набрал 15%, что свидетельствовало о том, что эксперимент не совсем удался, а я — 24%, обогнав пятерых конкурентов. Мой главный соперник Константин Затулин набрал 26%, но он практически не участвовал в выборах, и не ходил на встречи с избирателями. А мы нашли на него компромат и обвинили в связях с КГБ. Тогда это было компроматом.

А военная часть полностью проголосовала за меня. Я не уступила ни одного голоса! Некоторые мои знакомые склонны толковать этот успех с точки зрения грубого фрейдизма. За кого же еще голосовать молодым парням, лишенным жен-

ской ласки, как за свою ровесницу и единственную девушку среди кандидатов? Нет уж, увольте. На собрании МОИ половой состав был более однородным. Так что старина Фрейд ни при чем.

Потом, уже после выборов, я встретила возле института с депутатом Моссовета, членом Республиканской партии Александром Боголюбовым, который поддерживал мою избирательную кампанию. Он посмотрел на меня почти такими же глазами, как председатель собрания МОИ.

— Ну, вы даете! Двадцать четыре процента! Не ожидал! Я вздохнула.

— Все равно выборы не состоялись.

По тогдашним законам, на избирательные участки должно было прийти более 50% избирателей. Пришло меньше. Так что облом. Повторные выборы. Народ устал и горел одним желанием: послать нас всех куда подальше. То же самое было в округе Славика.

После этого великолепного пика наши со Стасом пути начали расходиться. Он устроился на работу в аппарат Моссовета, а я решила, что мне нужно закончить институт.

Была ли я влюблена? Быть может. Хотя это не назовешь безумной страстью. Я смотрела на него слишком трезво. Он казался мне недостаточно образованным и слишком напористым. Мне бы хотелось, чтобы он читал что-нибудь поинтеллектуальнее «Аквариума» Суворова. И я подсунула ему Ницше «Так говорил Заратустра». Сказал, что прочел.

Может быть, зря подсунула.

Я посвящала ему стихи и читала их Пашке, потому что Славик не проявлял к моему творчеству ни малейшего интереса.

Я хочу, чтоб ты сошел с ума,

Как река, забыл свое начало

Пашка показал мои сочинения внучке Симонова.

— Ну-у, бывает и хуже, — высокомерно заметила она.

Приближался новый 1991-й год. На новогоднюю ночь я пригласила к себе Славика.

Пашка приперся сам.

Так и встречали втроем. И мне осталось только потешаться над тем, как они пытаются друг друга унижить. Пашка упорно показывал мне, как Славик глуп. «Коэффициент интеллекта ну повыше среднего, конечно. Думаю, где-нибудь 115», — потом прокомментировал он.

А Славик напирал на то, что Пашка — типичный маменькин сынок.

Было около часа ночи.

— А пойдемте пешком на Красную площадь, — предложил Славик.

— А пойдемте! — сказала я.

Так и пошли втроем.

Этот поход я помню, как в тумане. Шли сначала по Каширскому шоссе, потом ехали на какой-то электричке.

Пашка ушел почему-то в тамбур.

А Славик целовал мне руку пятьдесят раз подряд, что вызвало у меня совершенно определенную физиологическую реакцию. Он вообще великолепно целовался! Губы были сладкие и горячие, а под языком «молоко и мед».

До Красной площади мы дошли часов в пять утра. Пашка ушел далеко вперед, меряя площадь своими длинными ногами, а мы со Славиком шли под ручку, не торопясь.

Пашка обладал интеллектом компьютера с огромной тактовой частотой, но был начисто лишен мудрости. Сфера отношений между людьми до конца жизни оставалась для него терра инкогнито.

А Славик был психолог. О! Какой он был психолог!

Мы гуляли с ним часов до восьми. Шел снег, кружа над нами в свете фонарей, и мне казалось, что я лечу в эту метель и кружусь вместе с нею.

Наш роман закончился совершенно неожиданно. Вспоминается классическое «караул устал». Ну, сколько же можно водить парня за нос? Он и так, и сяк, и цветочки дарит, и ручку целует, и стоит на коленях, и говорит, что в загс хоть немедленно. А девушка все размышляет да колеблется, да завтраками кормит. И не отшивает окончательно, и не дает.

В конце концов, он предъявил мне ультиматум:

— Или мы идем завтра в загс, или я вскрою себе вены. Звони!

И положил трубку.

Не верите? Вы думаете, что подобные ультиматумы ставят

только женщины? А вот нет. В последнее время я все больше склоняюсь к мысли, что мужчины эмоциональнее женщин, вопреки общему мнению. Не один Славик такой был.

В сей кровавый исход я не поверила, а потому не позволила. Я вообще не привыкла звонить мужчинам. Пусть сами звонят.

Вначале я воспринимала это как соревнование на упрямство. Ты хочешь меня переупрямить? Ну, ну!

А когда прошел месяц — только хмыкала. Ну, что ж поделаешь! Видно, нашел другую.

Соревнование растянулось на три года.

В начале лета 1991-го Пашка попытался взять реванш и пригласил меня к себе на дачу, в поселок Министерства Иностранных дел, знакомить с родственниками.

Дача бывшего генконсула представляла собой одноэтажный деревянный дом, отличавшийся от обычного деревенского только большими размерами, лучшей мебелью, отсутствием русской печки и величиной участка. Наследники пашкиного деда к тому же владели дачей не одни, а пополам с дедовым братом и его наследниками, в частности, режиссером Кареном Шахназаровым.

Пашка представил меня родственникам:

— Вот это Наташа, профессорская внучка.

Я смолчала, хотя фраза была не совсем адекватна. Нет, профессор такой был. Герш Моисеевич, профессор экономики Плехановского института, мой дед поотцу. Но я не ви-

дела его ни разу в жизни и унаследовала от него только гены (что, правда, тоже немало).

Мне всегда хотелось, чтобы меня ценили за то, чем я являюсь сама по себе, не в качестве чьей-то внучки, дочери или жены, и я почувствовала себя оскорбленной. Меня бы больше порадовало, если бы Пашка представил меня просто как свою бывшую одноклассницу и студентку МИФИ.

Но понять Пашку можно. Трудно ему было притянуть меня за уши к своему социальному слою, а хотелось очень.

Сейчас я воспринимаю это иначе. Ныне вряд ли кто-нибудь из детей элиты, в элитном поселке, представит свою девушку как «профессорскую внучку». Ну, кто такой профессор? Бедный представитель нищей интеллигенции. При чем тут элита? Я понимаю там хозяин бензоколонки, или там бывший рэкетир

Пожалуй, в ненависти к советским порядкам со мной может соперничать разве что Новодворская, а вот нахожу в них положительные черты.

В нашем с Пашкой романе был еще один оригинальный момент. Мы хвастались друг другу книгами наших дедов. Его дед написал некие воспоминания о Гражданской войне, как он был сыном полка, а мой — монографию под названием «Социалистические финансы (вопросы теории)», целиком посвященную животрепещущей научной проблеме: чем на самом деле занимается советское социалистическое государство, распределением или перераспределением. Пашка

нашел ее в библиотеке МГУ.

Мы хвастались книгами наших дедов. Не своими.

Но все же книгами, а не деньгами.

Пообедав у Пашкиных родственников, мы пошли гулять по поселку. Светило солнце, ветер шуршал кронами деревьев, цвели одуванчики.

Напротив Пашкиной дачи стояла скромненькая дачка Белохвостиковой, то ли в три, то ли в четыре окошечка. И все домики были такие, ничуть не роскошнее.

И вот представьте себе, на склоне холма стоит здоровенный пятиэтажный особняк из светлого кирпича.

— А это дача Капицы, — с уважением объясняет Пашка.

И нет ни капли зависти, ни малейшего ощущения несправедливости. Потому что Нобелевский лауреат Петр Капица достоин пятиэтажной дачи.

И, между прочим, приличный человек был. Рукописи Солженицына прятал в этом самом доме.

А когда Сахарова собирались исключить из Академии Наук, он, говорят, заметил в кулуарах:

— Такое было только при Гитлере, когда из Академии Наук исключили Эйнштейна. Продолжим традицию?

И Сахарова не исключили.

Мы перешли медленную реку, гуляли в лесу, потом на лугу у подножия холма. Солнце клонилось к закату и освещало верхушки сосен. В траве радужно сияла роса.

Пашка нашел тропинку, поднял меня на руки и понес

вверх, на гору. Героический поступок, конечно, учитывая, что во мне всегда было минимум пять кило лишнего веса.

Но мне казалось, что он делает это, чтобы продемонстрировать свою силу, а вовсе не из любви ко мне.

Много позже я узнала, что это место называется «Николина гора», что рядом проходит Рублевское шоссе, и что этот холм — чуть ли не самое крутое место на Рублевке.

Так это Пашка, оказывается, меня на Николину гору на руках вносил! А я не ценила.

Глава 3

Уже в июле он завел себе новую страсть. На этот раз студентку физфака МГУ, тоже пишущую стихи. Под псевдонимом «Сэнта».

А потом грянул август 1991-го.

Вечером 19-го, возвращаясь от Белого Дома, я встала у метро Каширская и начала раздавать листовки.

— Девушка, а вы не боитесь? — спрашивали меня.

— Конечно, боюсь, — улыбалась я.

И продолжила раздавать листовки.

А 21-го, когда был праздник и всеобщий экстаз, мы трепались возле Белого Дома с одной ДСовкой, неоднократно сидевшей на сутках с Новодворской за участие в несанкционированных митингах.

— А я фиалки развожу, — сказала она. — Теперь можно разводить фиалки.

Я тоже считала тогда, что наша миссия выполнена. Теперь должны прийти специалисты: экономисты, социологи, юристы, которые и поднимут Россию. Мы — только пробивная сила. Эпоха фанатиков, сделавших революцию, ушла в прошлое.

И они явились, эти другие, сменившие нас

Но, может быть, мы рано удалились разводить фиалки?

Экономику, социологию, юриспруденцию можно вы-

учить. Когда я писала роман «Люди огня», я проштудировала около ста монографий, никакого отношения к физике не имеющих. Но патриотизму и альтруизму не научишь. Это либо есть, либо нет.

Я даже не могу пожаловаться, что нас выперли из политики, мы сами ушли.

Я ходила тогда со значком с первого съезда «Демократической России», он был приколот поверх черной ленточки — символа скорби о троих погибших. Значок был серебристый круглый с изображением трехцветного паруса. Сейчас бы меня, наверное, побили за такой значок, а тогда подходили и благодарили.

И я до сих пор горжусь тем, что приложила руку к тому, что случилось тогда в России. Как бы тяжело, как бы трудно и страшно потом ни было, я ни разу об этом не пожалела.

Вечером 21-го я поехала на Лубянку и вместе со всеми подергала за веревку, обвязанную вокруг шеи Железного Феликса. А потом пригнали кран и начали его снимать, а я развернула бело-сине-красное знамя. Какой-то парень подскочил ко мне, посмотрел на флаг горящими глазами:

— Можно, мы повесим его туда? — и указал на здание Лубянки.

— Хорошо. Берите!

Он выхватил знамя и бросился к зданию. Кто-то помог ему залезть к держателю для флагштоков, и мой флаг, который я сшила сама из трех кусков ткани и который три года

провисел над моей кроватью, был водружен на стену здания КГБ.

Я не стала его снимать. Пусть висит, как на Рейхстаге!

К сожалению, не помогло. Не просветило, не облагородило. И я думаю теперь, уж не стоило ли последовать примеру французов и разобрать этот дом по кирпичикам, а не менять вывески и флаги.

Весной 1992-го года Пашка получил четверку за диплом, в результате чего ему не дали красного, несмотря на всего три четверки за все время обучения. Он был в отчаянье.

Лето еще продержался. Съездил на Урал, на ролевую игру по Толкиену, но уже там с ним начали твориться странные вещи. Как-то его нашли в лесу без сознания. Все обошлось, он пришел в себя. Но никто не понял, в чем дело.

Осенью ему окончательно отказала Сэнта. Он позвонил мне почему-то из автомата и долго рассказывал, как он ее любит, и как несчастен. А потом вдруг предложил:

— А давай жить вместе?

— Извини, — сказала я. — Но роль наложницы меня не устраивает.

И тогда я услышала звон стекла. Пашка разбил окна в телефонной будке.

Потом он вернулся к себе домой и разбил окна в собственной квартире. Родители вызвали психиатрическую помощь. Шизофрения

Я навещала его в пятнадцатой больнице.

Он звонил, обвинял меня во всех своих несчастьях:

— Это из-за тебя! Ты же написала: «Я хочу, чтоб ты сошел с ума».

Я усмехалась.

— Паш, стихотворение посвящено Славику.

— Славику, да

Как-то созвонились, договорились, что я приду.

Я поднялась на второй этаж, врач открыл дверь палаты. И я увидела людей, бессмысленно и как-то замедленно sloняющихся по комнате. Пустые глаза, мягкие, словно оплывшие лица, безвольные, расслабленные жесты. И почти физическое ощущение какой-то тягучей липкой серости. Это было ужасно!

Позже мне пришлось побывать еще в одном доме скорби. И если бы мне предложили выбор: психушка или тюрьма, я бы выбрала тюрьму. Однозначно! Я не понимаю, зачем косить от тюрьмы, играя сумасшествие. В тюрьме люди нормальные!

— Я к Паше Коноплеву, — сказала я врачу.

— Его нет. Он ушел гулять с отцом.

— Извините.

Я не стала их искать. Я даже обрадовалась, что встреча не состоялась. Мне не хотелось видеть Пашку таким.

Сразу после этого я пошла в институт, благо рядом. У меня были какие-то дела на кафедре.

В коридоре мне встретился завкафедрой Крамер-Агеев.

— Прекрасно выглядите, — сказал он. — Вы все время такая веселая, улыбаетесь.

Знал бы он, откуда я иду!

Пашка звонил еще, извинялся, что так вышло. Рассказывал о действии лекарств.

— Голова запрокидывается назад, потолок ползет вперед, и палата словно переворачивается. Но дурацкие мысли здорово из головы вышибает. Не знаю, как эта штука работает, но работает.

Но каждый разговор с ним был для меня пыткой. Словно из тебя тянут энергию, отбирают свет и вливают вместо него тот самый серый липкий яд, что витает в палатах психиатрической больницы. Я брала трубку в хорошем настроении, с улыбкой и желанием помочь, и клала ее на рычаг в глубокой депрессии. Каждый такой разговор он начинал с извинений и заканчивал оскорблениями. Ни за что! Просто, на пустом месте.

Как-то я похвасталась, что похудела.

— Сколько «палок» вы за это получили? — спросил Пашка. — Длинных, горячих и трепещущих?

Я в очередной раз бросила трубку.

Он оскорбил не только меня. Для всех своих друзей он нашел безжалостные слова, бьющие по самым больным точкам. Я написала, что он был никаким психологом. Пожалуй, не совсем так. Бить он умел. Но он умел только бить!

Его оставили все, не одна я.

Потом, на похоронах, его мать будет обвинять нас, что это мы его убили.

Я закончила МИФИ и получила свой красный диплом с пятерками по всем теоретическим физикам, в том числе по столь уважаемой Ландау квантовой механике. «Тот, кто выучил квантовую механику — выучит все», — говаривал великий теоретик. Так что я была обременена манией величия. Я была единственной девушкой в группе, и у меня был единственный красный диплом. До сих пор, когда меня пытаются убедить в мужском интеллектуальном превосходстве, мне смешно. Я сразу живо вспоминаю, как не ходила на лекции и сдавала экзамены по чужим конспектам на отлично, а их хозяева со своими хваленными мужскими мозгами — на тройки.

А Славик тем временем зарабатывал деньги. Он начал еще раньше, еще при мне, спекулируя бюллетенем Межрегиональной Депутатской группы. Успешно. Купил себе новый джинсовый костюм, чем был очень горд.

А в Моссовете занялся обналичкой.

Он позвонил мне в начале 93-го года, еще до защиты диплома. Сказал, что подъедет на личном «Вольво» прямо к институту. Я обещала подойти, но у меня отменили пару, и мне не хотелось ждать два часа. И я плюнула.

Мы встретились только осенью 1993-го. Я тогда уже учи-

лась в аспирантуре. Стипендия была нищенская, денег хронически не хватало, моя мама торговала в Лужниках шмотками и попрекала меня копейкой. Иногда я помогала ей, но все равно искала, где бы подработать.

В нашем институте учился один мой знакомый по политическим делам Андрей Марицкий. То ли он тоже в свое время состоял в ДСе, то ли в какой-то другой демократической организации. В 1993 был в «Яблоке».

— А не хочешь акциями заняться? — спросил он.

— Хочу.

— Есть такая биржа «Гермес», это на Фрунзенской. Приезжай завтра в десять. Я тебя проведу.

— Окей.

Был обычный осенний день, ни то, ни се, ни яркий, ни пасмурный.

Мы встретились у входа на биржу. Рядом был припаркован светло-зеленый Мерседес. Дверь открылась, и из нее вышел Славик.

— Привет, Наташ!

Он был в длинном светлом плаще, очень модный. И в нем появилось что-то новое. Нет, дело не в Мерседесе. Драйв! В нем появился драйв! Обаяние власти. Или денег? Так, может, все-таки в Мерседесе, положи руку-то на сердце?

Охраны тогда у него еще не было, но за рулем Мерседеса сидел шофер. Как потом выяснилось, «Вольво» он тогда уже разбил, выехав на встречную полосу и столкнувшись с

«Волгой» члена правительства Москвы.

— Привет, привет, — сказала я.

Стас кивнул Марицкому:

— Спасибо, Андрей!

Достал бумажник и отсчитал десять тысяч неденоминированных рублей.

— Возьми!

И деньги канули в потрепанный кошелек Марицкого.

Потом я узнала, что это была плата за организацию встречи. Мне польстило. Вот, даже организация встречи со мной стоит денег. Во мне всегда был силен комплекс колобка. Опасная вещь, между прочим.

Он повернулся ко мне.

— Пойдем, погуляем.

Почти рядом с биржей, за Дворцом Молодежи, был сквер. Он и сейчас есть.

Туда мы и пошли. Вдвоем. Марицкий остался.

— Я хочу предложить тебе работу, — начал он. — У меня небольшая фирма «Виктория, импорт и экспорт», мы торгуем на бирже. Будешь брокером?

— Пойдет, — сказала я. — А почему?

— Процент со сделки. Он от многого зависит. Понимаешь, я занимаюсь двумя видами дел: честными и не совсем честными. Чем будешь заниматься?

— Честными. От нечестных ты уж меня уволь.

Он улыбнулся.

— Зря! По второй категории денег гораздо больше. Ну, как хочешь!

Я потом все пыталась выяснить, что это за «не совсем честные дела». Много позже, думаю, году в 1994-м он сделал один намек: «переоценка ценностей».

Я долго ломала голову, что такое «переоценка ценностей». И все поняла только летом 95-го, когда было уже слишком поздно.

Грянул октябрь 1993-го. Вечером 3-го числа Гайдар выступил по телевизору и призвал всех сторонников демократии идти к Моссовету, в противовес Верховному Совету. Я пошла одеваться.

— Ну, куда ты пойдешь? — чуть не закричала моя мама.
— Они вас используют как пушечное мясо! Там стреляют!

— В 91-м тоже стреляли.

— Сейчас все гораздо серьезнее. И поздно уже. Куда ты поедешь, на ночь глядя? Одиннадцатый час!

Она загородила дверь.

— Пожалей мать! Что ж ты мне нервы-то все время треплешь! Хуже парня! Хочешь, чтоб у меня был инфаркт?

Я дала себя уговорить. Ладно, подумала, эта заварушка не на один день. Завтра утром все равно уеду!

А утром раздались оружейные залпы, и мое присутствие у Моссовета больше не было нужно — все решила армия.

Я кусала себе локти. Историческое событие случилось без

моего участия.

Я все же съездила туда. Походила по осколкам стекла у Белого Дома. Написала стихотворение на тему. Его тут же опубликовала институтская газета «Инженер-физик».

Выяснилось, что половина моих друзей была у Моссовета, а половина — в Белом Доме. И двое погибли.

Там, где небо изъедено ядом зари,
Там, где время забыло, куда ему течь,
Из-под лопнувшей кожи земли
Брызнет кровь, и уже не сберечь
Нашей дружбы и нашей любви,
Уже взяли оружие братья мои,
И, как шрамы от тяжких осколочных ран,
Баррикады разрезали мир пополам
Мы встретились как всегда у здания биржи. Стоим, обсуждаем события.

Славик был у Моссовета и «арестовывал мятежников». Я завидую ему черной завистью. Вот, тоже мне, бывалая революционерка! Маму послушала! Они и прожили всю жизнь при Совке, потому что всю жизнь боялись.

С ним ругается Марицкий. Он был в белом доме, сидел в штабе одного из депутатов «Яблока».

— Ты что ли теперь будешь стекла в Белом Доме вставлять? — огрызается он.

— Нет! — театрально восклицает Славик. — Это вы будете вставлять стекла, потому что вы — мятежники. Вы все

это затеяли! И тебе, Андрей, место в «Матросской тишине», вместе с Руцким и Хасбулатовым!

Прошло почти полтора года.

Весна 1995 года.

И вот мы стоим в пробке перед выездом на Тверскую.

Яркая ранняя весна с солнцем и снегом. Первое марта.

Я смотрю на руки Славика, лежащие на коленях. Нет на них шрамов. Ничего он себе не резал, конечно, врал. А жаль! Шрамы бы его украсили.

Он слева от меня. А справа я плечом чувствую жесткий бронежилет охранника Макса. Именно чувствую, а не вижу. Он надет под пиджак и куртку.

Мы, наконец, пересекли Тверскую, миновали сквер с памятником Пушкину и повернули налево возле кинотеатра «Россия» (тогда, по-моему, еще не «Пушкинский»).

Остановились возле кафе «Русское бистро» рядом с Ленкомом.

На самом деле, средней паршивости заведение, но тогда казалось чуть не роскошным. У входа у меня принимают пальто, и мы проходим в зал и садимся за круглые столики, покрытые белыми в красную клетку скатертями. Мы со Славиком — за один, охрана — за соседний. Стас кормит охрану за свой счет, как заправский арабский шейх.

В этом самом «Русском бистро» мы обедаем каждый день. Обычно заказываем шампанское и осетрину на вертеле. Я

как-то полюбопытствовала и заказала форель, несмотря на предостережения Славика. Оказалась мерзкая костлявая рыба. Речная что ли? Никогда больше такой не видела.

В тот день я была простужена и кашляла, поскольку накануне мы расстались раньше обычного, и черт дернул меня пообедать в «Макдональдсе» и выпить ледяной молочный коктейль.

— Ну, вы бы обедали, где попало! — наставительно сказал охранник Макс. — Хорошо, что не отравились.

Поэтому я решила не пить шампанского, оно холодное.

Но на стол уже водрузили бутылку какой-то итальянской шипучки. Наивные мы были! Не понимали, какую гадость пьем.

— А ты клин клином, — сказал Славик. — Если во время простуды выпить что-нибудь очень холодное, она обязательно пройдет. Я всегда так лечусь.

И он виртуозно открыл бутылку, над горлышком поплыл невысокий дымок.

— Мне же еще работать сегодня, — сказала я. — И вообще шампанское каждый день — это не есть правильно.

— Да ладно тебе!

И вино зашипело в бокалах.

Я соблазнилась и выпила.

— Ну, как твои успехи? — спросил он. — Как дела с «Норильским никелем»?

Еще в конце февраля Славик сказал мне, что у него есть

крупный заказчик на акции приватизированных предприятий, некий господин Плавник из ЧИФ «Гермес». Он составил для меня список акций и напечатал его на фирменном бланке «Виктории, импорт и экспорт». Я как брокер должна была заняться их скупкой.

«Норильский никель» там тоже был. И я накануне нашла дешевое предложение и уже провела предварительные переговоры. Фирма-продавец называлась «ВЕСТА-корпорейшен». Название я изменила, естественно. Эх! Если бы тогда у меня был выход в Интернет! Я бы обязательно набрала название в поисковой системе и собрала материал, я теперь всегда так делаю. И рассказала бы Стасу о результатах. И он бы побежал от таких контрагентов, куда глаза глядят, только бы пятки сверкали!

Но Интернета не было. И мы порадовались выгодному предложению.

Глава 4

Надо сказать, что русские биржи первой половины девяностых ничего общего не имели с западными аналогами. Там толпами суетятся брокеры, слушают предложения маклера, знаками объявляют суммы. Игра на скорость и реакцию.

На русских доморощенных биржах во время торгов сделки практически не заключались, зато издавался биржевой бюллетень с предложениями на покупку и продажу. По нему и работали. На телефоне.

В конце 1994 года эта система уже загибалась. На бирже МТБ, где я тогда работала, почти не было народа. Она была расположена в одном из зданий выставочного центра в Сокольниках. В том же здании был салон по продаже автомобилей. И частенько после работы я спускалась туда полюбоваться на сияющие «БМВ», «Вольво» и «Мерседесы».

Как-то разговорилась с продавцом. Я стояла и рассматривала темно-зеленый «Крайслер», сказала, что работаю рядом, брокером на МТБ.

— Ну, тогда вы наш клиент! — заметил продавец.

— Ага! — усмехнулась я. — Мне даже на руль от этой машины не хватит!

В 1995 «Виктория, импорт и экспорт» перешла на работу на внебиржевом рынке.

Была специальная брокерская газета с предложениями.

То ли «Биржевые ведомости», то ли «Биржевой вестник», то ли «Финансист». По ней и работали. И опять на телефоне.

В этой самой газете я и нашла «ВЕСТУ».

— С «Норильским никелем» путем, — сказала я. — Послезавтра можно ехать подписывать.

— Молодец. У меня, кстати, для тебя подарок. Оля передала мне фирму за долги.

Олю Бек я знала еще по бирже «Гермес». Маленькая изящная блондинка с огромными серыми глазами. Она мне сразу понравилась. К тому же у нее был красный диплом «ФИЗТЕХа», правда, Жуковского филиала. А «ФИЗТЕХ» — это даже круче, чем «МИФИ». Я ее зауважала.

Оля занималась акциями, хотя мы на «Гермесе» работали в основном с товарами. С сахаром, например. Но об этом после. С сахаром отдельная история.

Когда появились ваучеры, Бек перешла на РТСБ (Российскую Товарно-Сырьевую Биржу) и организовала свою фирму «ЛЛЛ-брокер».

Название «РТСБ» было типичной российской надписью «буйвол» на клетке слона. Ни сырьем, ни товарами там уже практически не занимались. Все торговали ваучерами, акциями «Гермеса» и «МММ», а когда акции рухнули — билетами последней фирмы, любовно именуемыми «мавродиками» или «мавриками».

Торговали тоже на русский манер. По периметру торгового зала за столиками сидели брокеры и занимались покуп-

кой и продажей ваучеров, акций и прочих бумажек. Как в обменках.

У Оли было чутье. Куда пойдет ваучер, вверх или вниз, она, похоже, чувствовала своей очаровательной попкой. И всегда выигрывала. Она успела продать акции «МММ», по девяносто тысяч рублей за акцию, в последний день, когда они начали падать. И купила квартиру. Это вообще уникальный случай.

Я начала скупать ваучеры еще осенью 1993-го. Тогда они шли по бутылке водки. Купить можно было на обычной автобусной остановке или у метро. Потом они немного выросли и пошли по четыре тысячи. Я маловато их купила, надо было больше. Летом следующего года они дошли до двадцати. И когда ругают Чубайса, мне так и хочется сказать: «Если ты продал свой ваучер за бутылку водки, кто ж тебе после этого патологоанатом?»

Так что на РТСБ я появлялась, курс ваучера был мне безразличен.

У «ЛЛЛ-брокер» было еще два учредителя, которых я никогда не видела. С Бек торговал юный брокер по имени Дима, среди учредителей не числившийся. Крепко сбитый парень со стрижкой «ежиком» похожий на начинающего бандита. По слухам, он делил с ней не только бизнес, но и постель.

Оля жутко нервничала, когда ваучер вел себя не так. Злилась и бросала об стол пачки билетов. Но потом с удоволь-

ствием вспоминала то время: «Денег было море!» Так что никогда не ездила в метро, которое ненавидела, и не водила свой жигуленок — ловила такси.

Славик занимался и мавродиками, и ваучерами, но в гораздо больших масштабах, чем я. Думаю, даже в больших, чем Бек. Но был менее удачлив. В случае мавродиков всего лишь остался при своих, так же как я.

— А подарок вот какой, — продолжил Стас. — Ты хорошо поработала, и я хочу повысить тебя в должности. Как тебе пост финансового директора «ЛЛЛ-брокер»?

— Вообще, лестно, — сказала я. — Давай!

В моем характере всегда была изрядная доля авантюризма.

Я вставала каждый день в восемь часов, к десяти уезжала на работу. Возвращалась около десяти вечера. Редко раньше. Если раньше — вторая половина дня уходила на телефонные переговоры.

Утром я пила кофе с дежурным бутербродом и ставила кассету «Алисы». Я заряжалась от их «Шабаша», мне нужен был кураж.

Тот роковой день третьего марта начался как обычно.

Вот я ставлю свой кофе на столик у торшера, сажусь в кресло.

Начинается «Шабаш»:

Со всей земли

Из гнезд насиженных
От Колымы
До моря Черного
Слетались птицы на болота
В место гиблое.

Я долго потом не могла слушать эту кассету. Как герой «Заводного апельсина», который заряжался перед делом музыкой Бетховина. А, когда, его вылечили, она стала ему отвратительна.

Я не считала, что иду на преступление, однако «Шабаш» долго вызывал у меня неприятные ощущения. Снова поставила эту кассету только сейчас, спустя десять лет, и поняла, что ничуть не изменилась.

А жили жадно —

Так, словно к рассвету расстрел.

Адреналиновая наркомания ничуть не лучше всякой другой. И она у меня была. Была! Не спорю!

И гнезда вили в петлях виселиц.

Она дает рецидивы, и снова хочется чего-нибудь эдакого: быть в центре событий, держать руку на пульсе столетия, вести толпы или ворочать миллионами. Назад! Назад! В 1995 —й!

Раскаленный кофе обжигает язык, во рту тает кусочек карбонада.

Ветрам вверяли голову, огню — кресты нательные

Третье марта. Я еду в метро на встречу со Славиком. Его

мерс припаркован возле одной из центральных станций. Мы садимся в машину и отправляемся в «ВЕСТУ».

По дороге разворачиваю «Финансовую газету» и смотрю котировки. Сердце холодеет.

— Слав, они падают!

Он бросает на страницу равнодушный взгляд.

— Смотри, — говорю я. — Вот 5.8, а вот уже и 5.5. А мы платим по 6 баксов за акцию! Может, тормознем? Или попробуем поторговаться?

— Договорились уже, — замечает Славик. — Поздно тор-мозить.

— Почему поздно? Еще ничего не подписано. А если твой Плавник пойдет на попятную, что делать будем? Зачем ему через нас акции покупать, если он сможет купить дешевле?

— Не пойдет. Это надежный заказчик. Да успокойся ты, Наташ, все нормально.

— Ну, как знаешь.

В смысле, ты — начальник, я — дурак.

Офис «ВЕСТЫ» вспоминается мне, как нечто весьма скромное, как угол, снятый где-то в бывшем советском НИИ.

— Проходите, — говорят нам.

И замечают:

— Вы такой большой компанией ездите!

— Большой? — удивляюсь я. — Нас двое.

— А вон те ребята?

— А-а! Да это охрана.

Сели. Прочитали проект договора. Вроде все нормально.

— У нас произошли небольшие изменения, — сказал Стас. — Договор с нашей стороны будет заключен не от фирмы «Виктория, импорт и экспорт», а от фирмы «ЛЛЛ-брокер», в которой госпожа Волховская, — кивок в мою сторону, — работает финансовым директором.

— Как хотите, — пожали плечами господ из «ВЕСТЫ».

Я была, мягко говоря, несколько удивлена, но вида не подала. Это могло в свою очередь удивить контрагентов.

Потом на какое-то время мы остались одни со Славиком и заполнили договор. Точнее он запомнил, а я подписала. Только когда мы уже покинули офис «ВЕСТЫ» я заметила, что Станислав написал в договоре вместо реквизитов фирмы "ЛЛЛ-брокер" реквизиты "Виктории, импорт и экспорт".

— Да, машинально! — объяснил он, — по привычке. Это не имеет значения.

Общая сумма договора составила 150 тыс. \$. Или 436 миллионов рублей по тогдашнему курсу. Мы купили у «ВЕСТЫ» 25 тысяч акций «Норильского никеля».

Хоть убейте не помню, где мы отмечали событие. Не иначе все в том же «Русском бистро». Впрочем, понятно, праздновать было рано — все еще только начиналось.

Здесь не лишне объяснить, что представляла собой акция приватизированного предприятия. Ценную бумагу, наверное, скажете вы. И будете не правы. Ценную-то ценную.

Но не бумагу, а запись в реестре акционеров. По крайней мере, когда речь шла о таком крупном пакете, как у нас.

Следователи потом смеялись: «Во дают, блин! Торгуют воздухом, какими-то записями в каких-то там реестрах! И при этом миллионами ворочают!» А нам было уже не до смеха.

Но не будем забегать вперед. Итак, чтобы перевести акции на нашу фирму, мне надо было открыть счет в депозитарии «Уникомбанка». Говорили: «счет депо». На таких счетах и хранились сии виртуальные богатства. На них перечислялись виртуальные акции (со счета депо одной фирмы на счет депо другой), и соответственно изменялась запись в реестре акционеров.

Третье марта было пятницей, и мне пришлось отложить открытие счета до понедельника — 6-го марта. И тогда выяснилось, что я не могу этого сделать, так как не являюсь первым лицом в фирме «ЛЛЛ-брокер».

— Слав, мне нужна доверенность на открытие счета, — сказала я на очередном совместном обеде в «Русском бистро».

— Сделаем, — ответил он.

Здесь стоит упомянуть еще об одном событии, которое впоследствии сыграло роль в этом деле.

Еще в феврале Славик вдруг исчез, словно в воду канул. Он не звонил, и я три дня не могла ему дозвониться.

Наконец прорвалась.

— Что случилось? — спросила я.

— А меня держали в заложниках, — объяснил он. — Трое суток. Приковали к батарее в загородном доме.

— Ничего себе! И как ты вырвался?

— А я пообещал им деньги. Поехали в Москву. Я вышел позвонить якобы, чтобы привезли бабки. Эти уроды меня сопровождали, конечно. Только я позвонил одному моему знакомому из РУОПа. И вот я дома, — радостно заключил он.

Следствием этого события явилось то, что у Славика не было внутреннего паспорта: отобрали и так и не вернули. Был только заграничный.

Восстановление паспорта тот еще геморрой, а Стас как раз надумал купить себе квартиру, и ему подвернулся подходящий вариант: он решил расселить коммуналку на Октябрьской.

Я помню этот дом: восьмиэтажный, то ли поздний сталинский, то ли ранний хрущевский. Широкие лестничные пролеты, на которых почему-то пахнет малиновым вареньем, и маленькие клетушки-комнатки. Славик намеревался превратить бывшую трехкомнатную квартиру в однокомнатную.

Но на загранпаспорт квартиру оформить нельзя.

— Наташ, поможешь? — спросил он.

— Ради Бога. Только не бесплатно.

— Конечно. Тогда я пока оформлю квартиру на тебя, а потом, когда будет паспорт, переоформим.

— Без проблем, — сказала я.

И теперь параллельно с акциями «Норильского никеля» я занималась оформлением Стасовой квартиры.

Жить он там собирался с женой, которая пока таковой не являлась, но уже была объявлена невестой. Звали ее Ира Топорова.

История его знакомства с нею поражает своей классической глупостью. Я познакомила, естественно! Осенью он сказал мне, что хочет нанять еще одного брокера, и не порекомендую ли я кого-нибудь из своих знакомых. С Топоровой мы вместе учились в аспирантуре. Как она туда попала, для меня до сих пор загадка. Наверное, только потому, что не было конкурса. Она могла говорить только о шмотках и кухне, так что через пять минут общения с нею мне становилось безумно скучно. Она была на два года старше меня и не сказать, чтоб красива — самой заурядной внешности! Я ее просто не воспринимала как конкурентку.

К тому же у Славика была девушка. Уже несколько лет, года этак с 92-го. Марина. Она казалась мне несколько вульгарной, но явно обладала истероидным радикалом. В ней был хоть какой-то драйв. По крайней мере, сексуальность.

С ней он встречал новый 1995-й год. Снял номер на ночь в гостинице «Олимпик Пента Хотел» по цене двести баксов и оплатил билеты на концерт Пугачевой, организованный в той же гостинице.

Зачем-то рассказал мне об этом. Чтобы похвастаться? Чтобы причинить боль?

— Ты слушаешь попсу? — удивилась я.

— Как ты не понимаешь! Нужна мне эта Пугачева! Но там тусовка. Такие знакомства можно завести!

Во время концерта Марина вышла на сцену и преподнесла Пугачевой бокал Шампанского. Славик восхищенно рассказывал об этом.

Он вообще был со мной откровенен, как с матерью или священником: звонил и говорил о своих сексуальных проблемах. Жаловался, что неприятности в бизнесе вредят в постели. Успокоиться надо. Не получается, если не спокоен.

Пик неприятностей пришелся на период, предшествующий его похищению.

А потом вдруг выяснилось, что та встреча в «Олимпик Пенте» была их прощальной встречей.

— Разошлись, как в море корабли, — прокомментировал Славик. — Да она и сама понимала, что это прощание.

Он бросил Марину ради Топоровой! Это было для меня чем-то вроде культурного шока.

— Понимаешь, она нравится, — сказал он. — «Нравится», как глагол, как действие. То есть она делает все, чтобы понравиться.

Да, верно, я никогда не умела строить глазки и не отрабатывала поз. Неужели мужики настолько глупы, что действительно западают на эту мишуру?

— И еще, — продолжил он. — Тебе не приходилось со мной жить, Наташ. Мне надо, чтобы мне все приготовили

и принесли. И полностью мне подчинялись. Ты ведь так не сможешь.

— Не смогу, — вздохнула я.

Меня не устроит роль служанки, облагороженная титулом жены.

— Я собираюсь сделать одну большую комнату, и кухню отгородить стойкой, чтобы на стойку можно было ставить готовые блюда, как в баре.

Я усмехнулась.

— Мы составим брачный договор, — сказал он. — Никакого общего имущества! Все будет принадлежать мне. В случае развода она получит по штуке баксов за год совместной жизни.

— Не густо, — заметила я.

Был яркий весенний день. Они все были залиты светом, как во сне, те сумасшедшие мартовские дни. Когда-то в детстве, лет в восемь, я гуляла по весеннему парку, наполовину заснеженному, наполовину залитому талой водой с круглыми лунками возле деревьев. И меня вдруг поразило предчувствие: я совершенно ясно поняла, что когда-нибудь в такой же мартовский день со мной случится что-то страшное. Умру? Попаду в больницу? Я тогда не знала, что. Но такой щемящей тоскою сжало сердце!

Еще ярче, чем 1-е и 3-е было 13-е марта.

Ненавижу 13-е число!

Мы встретились все у того же «Русского бистро», и Славик во второй раз произнес ту фразу, которая с каждым разом звучала для меня все более зловеще:

— Наташ, у меня для тебя подарок.

И он протянул мне бумагу с напечатанным тестом.

Сердце екнуло.

Я пробежала ее глазами. Собрание учредителей фирмы «ЛЛЛ-брокер» назначало меня генеральным директором.

— Это еще зачем? — спросила я.

— Ты все равно взвалила на себя всю работу. К чему заниматься лишним бумагомарательством? Одна доверенность, вторая, третья? Руководи!

— Ладно, очень лестно, конечно, но

Я сама не понимала, в чем конкретно состоит «но», только в тот яркий день мне впервые стало по-настоящему не по себе.

— Тринадцатое число, — проговорила я. — Слушай, я суеверна. Давай число исправим.

— Ну, вот еще! — усмехнулся он. — Не будем ничего исправлять.

— Кстати, акции продолжают падать, — сказала я. — Уже около четырех долларов. Может, остановим дело?

— Поздно! Договор подписан. Неустойку сдерут!

— А Плавник не отступился?

— Нет. Не должен он отступить. Ну, в крайнем случае, вернем акции. Если они будут на нашем счету, диктовать

условия будем мы, а не «ВЕСТА».

— Прав, — сказала я. — В этом ты прав, конечно.

И мы поехали в Нотариальную контору оформлять на меня банковские карточки.

Пару дней спустя мы поехали в «РИКК-банк» заключать вексельные договоры. Они были нужны для обналички ожидаемого брокерского процента. Покупаешь вексель, гасишь — и вот тебе вожденная хрустящая зелень. Стас остался в машине, а я вошла в операционный зал для юридических лиц и объяснила цель визита.

— У нас ограничена сумма вексельного договора, — сказала операционистка. — Максимум 10 тыс. долларов.

Мне Славик обещал 3% от суммы сделки. То есть 4500 \$. Ну, сам он получит, наверное, тысяч восемь-десять, предположила я. И остальным — по мелочи. 20 тысяч за глаза хватит на всех.

— Два договора, — резюмировала я. — С открытыми суммами.

Села в машину. Показала договоры Славику.

Он посмотрел, вроде бы одобрительно. По крайней мере, ничего не сказал.

Наверное, мне надо было внимательнее следить за выражением его лица.

Глава 5

На открытие счета «депо» ушло около недели. 20-го марта мы были в депозитарии «Уникомбанка»: я, Стас и брокер из «ВЕСТЫ» Юрий Ваксин. Последний написал в депозитарий заявление о переводе акций на «ЛЛЛ-брокер» с блокировкой их на счету.

Мы со Славиком переглянулись.

— Как с блокировкой? — спросила я.

— Это противоречит договору! — заявил Стас. — Акции должны быть переведены на нашего тюменского заказчика! Он с вами расплатится напрямую.

— Если ваш заказчик вам доверяет, ему хватит того, что акции на вашем счету, — сказал Ваксин.

— Мы так не договаривались! — отрезал Станислав.

— Я не могу решать такие вопросы, — сказал Юрий.

— Хорошо, тогда мы звоним вашему начальству.

Ваксин пожал плечами.

— Звоните.

И Славик позвонил в «ВЕСТУ».

Поругался.

И ему дали добро на перевод акций без блокировки.

Мы были довольны. Остался последний штрих — перевести акции на заказчика и ждать денег. Переводом акций я

естественно хотела заняться сама.

— Не получится, — сказал Славик. — Плавник доверяет только Олегу и только с ним будет иметь дело.

Олег Маслов был еще одним нашим общим знакомым по политической деятельности. В начале девяностых он состоял в одной демократической молодежной организации, а потом вместе со Стасом работал в Моссовете.

Но я удивилась. Когда это Олег успел втереться в доверие к руководству «Гермеса»?

— Да уже давно, по бирже еще. Он умеет. Так что, Наташ, пиши на него доверенность на перевод акций и заключай договор-поручение на продажу.

— Хорошо, — сказала я. — Только я буду присутствовать при заключении сделки.

— Конечно, без проблем.

Олег работал в фирме, офис которой находился в старом здании на Маяковской, за рестораном «София». Было пасмурно, слякотно, сапоги скользили на подтаявшем весеннем снегу.

Помню полутемный длинный коридор и двери офисов. Мы сели там в кресла.

— Наташ, подожди немного, — говорит Славик. — Нам надо обсудить с Олегом одно дело. А потом займемся договором.

— Хорошо, — киваю я.

Олег вышел из офиса, мы поздоровались, и они со Стасом ушли куда-то в конец коридора, стоят на фоне светлого окна, разговаривают. Потом прошли в офис, и Славик вынес мне проект договора-поручения.

— Ну, что, решили ваши проблемы? — поинтересовалась я.

— Да, все в порядке.

Я внимательно прочитала договор. Два раза точно. И никаких подводных камней не обнаружила. Если вы прочитали договор и не нашли подвоха, возможно, вы просто не там искали.

Мы с Олегом вошли в офис и подписали бумагу.

22-го марта мы снова поехали в «РИКК-банк».

— Надо заключить еще семь вексельных договоров, — сказал Славик.

— Зачем? — удивилась я.

— Мне должны деньги, я хочу их обналичить через векселя.

Я пожала плечами.

— Ну, хорошо.

Так появилось еще семь вексельных договоров с открытыми суммами.

Тогда или чуть позже Славик сказал мне, что договор на продажу акций уже заключен.

— А как же мое участие! — возмутилась я.

— Никак не смогли убедить Плавника, уж извини. Ему не нужны посторонние.

— Ладно, почем продали?

— По 6.5 \$.

— Вах! Ну, это просто роскошно! А договор у тебя?

— У меня, но я его дома оставил. Извини, забыл. Через пару дней будет платежка.

— Будем ждать, — улыбнулась я. — Договор не забудь в следующий раз.

Он кивнул.

24 марта был мой день рождения. Мы встретились у метро Октябрьская, там находилось БТИ, где я занималась сбором документов для квартиры Славика.

Он вышел из машины мне навстречу.

— Привет, Наташ. У меня для тебя подарок на день рождения.

И он протянул мне платежку.

— Ты удивишься.

Когда я прочитала то, что было там написано, земля начала уходить у меня из-под ног. Наверное, я страшно побледнела. Очередной «подарок» Славика превзошел два предыдущих.

— Почему такая странная сумма? — смогла выговорить я.

В платежке значилось 399 миллионов 670 тыс. рублей, что было почти в два раза меньше, чем я ждала.

— Это деньги, которые мне должна фирма-покупатель.

Помнишь, я предупреждал?

Я кивнула.

— Ну, и плюс брокерский процент, — добавил он.

— Но здесь указано, что деньги за акции!

— Иначе не могли провести через бухгалтерию.

Он не слишком меня успокоил.

— А деньги «ВЕСТЕ»?

— Они будут отправлены другой платежкой на 720 миллионов рублей, напрямую.

Два дня я находилась во взведенном состоянии, пока, наконец, Славик не сказал мне, что вторая платежка уже существует.

— Только деньги упадут к нам на счет «ЛЛЛ-брокер» в «Эффект-кредите».

— Почему?

— Нельзя было отправить напрямую. Какие-то налоговые причины.

Ох уж эти налоговые причины! Что только ими не оправдывали! Кого только не ловили на эту удочку! Обмануть человека, то есть физическое лицо — это плохо, это недопустимо. А вот обмануть государство — сам Бог велит! Налоги платить — нафиг! Все равно все разворуют. Старушек жалко, конечно, что им пенсия не пойдет. Но она им все равно не пойдет.

Услышав про платежку, я уже было слегка успокоилась и

рвалась отпрапортовать «ВЕСТЕ», что все в порядке, деньги есть, но они вышли на связь сами. Дело в том, что срок платежа по договору уже прошел.

27 марта с ними состоялись переговоры об отсрочке платежа. Мы со Стасом приехали в «ВЕСТУ». Платежку он мне так и не показал, равно как и договор с покупателем.

А посему я не понимала, насколько могу отвечать за свои слова. Переговоры вел Славик.

— Мы уже не верим, что вы расплатитесь, — сказал господин Ваксин. — Возвращайте акции.

Я сразу смекнула, насколько это выгодно. И, наверное, просияла. Мы же продали их по 6.5 \$, а теперь можно купить немногим дороже 4 баксов. То есть вместо 720 миллионов нам нужно будет потратить четыреста с хвостиком. Купить акции и вернуть «ВЕСТЕ». Я моментально посчитала разницу. Какой кайф! И дело почти честное, то есть все будут довольны.

— Хорошо, — сказала я. — Будем возвращать акции.

И посмотрела на Славика.

Он кивнул.

— Договорились.

На следующий день 28 марта я радостно поехала в фирму "АИОС-капитал" и заключила с ними договор о покупке 25000 акций РАО "Норильский никель" с блокировкой на счете "ЛЛЛ — брокер" по 4.4 \$ за акцию.

Тогда же начали поступать тревожные сигналы о положении банка "Эффект-кредит". Операционистка банка сказала мне по телефону, что у них задержки платежей до 1 месяца. К тому же мы узнали, что банк платит очень высокие проценты годовых в валюте 34%. Кроме того, Андрей Марицкий вспомнил, что вокруг банка "Эффект-кредит" уже был скандал. На основании всего этого мы заключили, что этот банк абсолютно не надёжен и находится на грани краха.

Марицкий, собственно работал у нас бухгалтером и был большим знатоком банковских скандалов. Кроме «ЛЛЛ-брокер» он работал еще в какой-то фирмочке покрупнее и помниться ровно за один день предсказал крах «Тибета». У фирмочки хватило ума послушать и успеть увести из «Тибета» деньги. Так что на следующий день, когда «Тибет» пал, Андрея тут же повысили в должности и, говорят, даже выделили отдельный кабинет.

Предсказание его, впрочем, не имело ничего общего с провидческим даром. Просто, он располагал информацией (полученной от Славика), что «Тибет» крутит деньги на «МММ», а значит, после краха Мавроди, его крах неизбежен с вероятностью прихода зимы после поздней осени.

Положение «Эффект-кредита» добавило мне нервозности, но и оно не было самым худшим, что случилось в этой истории.

31 марта, в пятницу, у меня дома раздался звонок. Я взяла

трубку.

— Госпожу Волховскую позовите, пожалуйста, — сказал мужской голос.

— Я у телефона.

— Это Чижилов Александр Николаевич, следователь РУОП.

— Что?

— На вас подала в РУОП «ВЕСТА-корпорейшен», Наталья Леонидовна. Вы с ними не расплатились. Ваши действия можно квалифицировать как мошенничество.

— Но мы договорились вернуть акции.

— Вернули?

— Пока нет, у нас проблемы. Но обязательно вернем!

— Я жду вас в понедельник в одиннадцать утра на Шаболовке, 6. Привезите учредительные документы.

— Да, да, конечно. Буду, обязательно.

Здесь уместно будет объяснить, что представлял из себя РУОП (Региональное Управление по Организованной Преступности) в 1995 году. Тогда это был именно «РУОП», в «РУБОП» его переименовали только в 1998-м. И стало Региональное управление по борьбе с организованной преступностью, а не Региональное управление организованной преступностью. Но, по-моему, второе им подходит гораздо больше.

Именно тогда в первой половине девяностых журналисты придумали замечательный афоризм: «круче солнцев-

ских только шаболовские», которым очень гордился тогдашний руководитель РУОПа господин Рушайло.

То есть была Солнцевская преступная группировка, была, понятно, Лубянская, а была и Шаболовская.

РУОП был организован 16 марта 1993 года, и ему выделили последний этаж бывшего здания райкома КПСС на Шаболовке. Еще некоторое время на первых этажах сидели какие-то коммерсанты, но вскоре он занял все помещение.

О методах работы сей организации ходили легенды. Подбросить подозреваемому наркотик или оружие было для этих ребят плевым делом и нормальным методом ведения следствия. Говорят, тогда все суды были завалены подобными делами. И ничего — людей исправно сажали в тюрьму.

Широкую известность тогда получила история об аресте вора в законе деда Хасана, которому менты, не разобравшись, подбросили молодежный наркотик экстази. «Дед Хасан собрался на дискотеку», — шутили бандиты.

Но это было еще не самым страшным. Бывало, что задержанных вывозили за город и вырывали им ногти, чтобы добиться нужных показаний. Выживали не все.

Действие породило противодействие. Бандитские пули косили благородных сотрудников РУОП так, что в 1995-1996 годах во дворе бывшего райкома у подножия мирных голубых елей был поставлен памятник невинно убиенным героям с длинным списком на черном камне.

«Лучше я буду отстреливаться до последнего, но живым

ментам в руки не дамся. Не хочу, чтобы меня потом нашли с вырванными ногтями», — объясняли некие господа, любившие зеленые кашемировые пальто, красные пиджаки и вишневые «девятки».

Но были и те, кого господин Рушайло считал честными предпринимателями. Они и создали в том же 1993-м году благотворительный фонд «Содействие социальной защите профессиональных групп повышенного риска» для материальной поддержки рискующих жизнью бойцов РУОПа. По странному совпадению, эти «честные предприниматели» позднее стали именоваться «олигархами», а их честность была подвергнута сомнению. Другу одного из этих достойных людей и принадлежала фирма «ВЕСТА-корпорейшен», с которой нас угораздило заключить контракт.

Но я узнала об этом много позже. Тогда, весной 1995-го, я не знала ни об особенностях работы РУОПа, ни о хозяевах «ВЕСТЫ».

Может быть, это меня и спасло.

Я позвонила Славику и поставила его в известность, что на нас подали в РУОП.

— Я сейчас приеду, — сказал он.

Он был у меня через пару часов.

Уже стемнело. Я помню широкие силуэты охранников на фоне ярко освещенного прямоугольника двери. Они остались на лестничной площадке.

И вот, Славик проходит в мою комнату, и мы садимся на

диван.

Напротив книжные полки, четырнадцать штук, в два ряда во всю стену, а справа — окно на юго-запад с еще синим вечерним небом, огоньками пятиэтажек и кронами деревьев с голыми ветвями.

Я включаю бра.

— Ты привез платежку на 720 миллионов?

— Понимаешь, Наташ Ты же знаешь о положении «Эффект-кредита»

Да, знаю. Операционистка сказала мне о месячных задержках платежей. И что?

— Чтобы деньги не попали в кризисный банк, мы по договоренности с покупателем переделали договор, — продолжает Славик.

Я еще не осознаю, я еще не понимаю, что произошло.

— Как переделали? — спрашиваю я.

— Мы проставили цену, соответствующую сумме, полученной «ЛЛЛ-брокер»: 390 миллионов 670 тысяч рублей.

— Ты что свихнулся! — ору я. — Дай сюда договор!

— Я его не взял.

— Почему!

— Боялся, что порвешь. Ты неадекватна.

— Ты творишь за моей спиной черт знает что и хочешь, чтобы я была адекватна?

— Не волнуйся. Не пропадут твои 720 миллионов. Они направили их по другим каналам через ЧИФ «Гермес».

— Платежка где?

— Я вернул ее фирме-покупателю. Иначе нельзя было тормознуть платеж. Хорошо, что деньги не успели уйти. У них тоже задержки.

— Слав, я хочу уйти. Увольняй меня! Я не понимаю, что происходит!

— Уйти? А я считал тебя сильным человеком. Чуть что, и уже раскисла!

— Чуть что? Это «чуть что»? Что я скажу в РУОПе?

— Вот именно! До РУОПа я тебя точно не могу уволить, да и не успею. Надо собирать собрание учредителей. После — пожалуйста.

— Хорошо, после. Если оно будет, это «после».

Он усмехнулся.

Я не помню, спала ли я в эту ночь. Наверное, нет.

И это была уже не первая бессонная ночь в истории моего сотрудничества со Стасом. Годом раньше, в 1994-м, была история с сахаром, который нам не поставили за перечисленные деньги, а меня грозились убить покупатели. Я ходила с револьвером в сумочке. Разрешения у меня не было, естественно, да и револьвер одолжил друг. Но киллер тогда стоил дешевле автомобиля, так что у меня не было оснований сомневаться в том, что у них найдутся деньги. А убивали на улицах. Я сама как-то видела трупы у метро Кантемировская.

Тогда обошлось, я выжила. Но бессонных ночей было много.

Я не помню, как пережила воскресенье. Я отыскала у себя в библиотеке УК РСФСР 1984 года издания. Другого у меня не было, а я была вопиюще юридически безграмотна.

Я его помню: серый такой, толстый, с черной надписью. Мне кажется, я до сих пор чувствую под пальцами его страницы и слышу, как они шуршат.

Там была такая статья «хищение в особо крупных размерах». Независимо от способа. То есть и мошенничество тоже. У государства или организации. Ст. 931.

На нее-то я и наткнулась.

Вот тут-то меня и переклинило!

«Наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой, или смертной казнью с конфискацией имущества».

Сердечного приступа со мной не случилось, зато я разразилась стихотворением:

Издай мою книгу, я деньги хранила в столе,
Ищи их правее тетрадей с моими стихами,
Судьба оказалась воровкой, пригретой в тепле —
Настала весна — я осталась с пустыми руками.
Когда ты придешь в этот дом, успокой мою мать,
Пусть вся обстановка надолго останется прежней,

А честь оказалась одеждой, что можно отнять,
Такой старомодной, поношенной бедной одеждой.
Но все же я что-то оставила после себя,
Стихи и рассказы, и повесть о слабых и грешных,
А слава ласкает лишь мертвых, живущих губя,
Издай мою книгу, неважно, что автор повешен.

Строго говоря, «расстрелян», но было не в рифму. К тому же виселица намекала на воровство, воров вешали. Мне это казалось очень к месту.

И была ночь, и было утро. Утро 3 апреля 1995-го. Мне предстоял визит в РУОП.

Против обыкновения Славик заехал за мной сам. Часов этак в девять. Я удивилась, но спустилась к нему и села в машину. Учредительные документы взяла с собой.

— Решил подбросить?

— Наташ, все очень серьезно. Мои деньги уже больше недели лежат в банке, который в любой момент может лопнуть. А ты не хочешь их уводить.

Да, я долго отказывалась перечислять, куда-либо эти деньги, пока не увижу платежку на 720 миллионов. Но это было уже не актуально.

— Я хочу их увести «ВЕСТЕ», мы им должны. Ты забыл? Он усмехнулся.

— Ну, уведи, если сможешь. Мы едем в «Эффект-кредит».

— Разве не в РУОП?

— Туда успеем. Сейчас в «Эффект-кредит». Ты пойми, Наташ, если деньги будут переведены под векселя, они же никуда не денутся с баланса фирмы. Ну, в крайнем случае, расплатишься векселями. Это же ничего не меняет, только уводит деньги из крайне ненадежного банка, что сделать необходимо.

Я сидела, кусала губы.

— Посмотрим.

И вот я в банке, разговариваю с операционисткой.

— Вы сможете сейчас перечислить около четырехсот миллионов?

Она опускает глаза.

— К сожалению, банк по-прежнему в тяжелом положении, мы не сможем сразу перечислить такую сумму. Разбейте платежи миллионов по пятьдесят.

Так и сделали. В банк приехал Марицкий, который работал у нас бухгалтером, и мы с ним подписали платежи в присутствии Стаса. Деньги должны были уйти РИКК-банку, под векселя.

И мы поехали в РУОП. Славик велел шоферу остановить машину на Октябрьской площади, не доезжая до Шаболовки.

Достал из портфеля прозрачную папочку.

— Вот посмотри.

Это был договор о продаже акций «Норильского никеля» фирме «Краун». Там стояла цена 3.3\$ и число 22 марта. Название фирмы меня ничуть не удивило. Ну, подставная фирма, как подставная фирма. Число тоже. Заднее число, как заднее число. И цена вполне соответствовала полученной сумме. Но все вместе! Это было ужасно!

Наверное, я побледнела.

— Ты только не говори про вторую платежку, — сказал Славик. — Это вызовет подозрения. Скажи, что брокер ошибся: продал не по той цене.

— На Маслова свалить?

— Ему ничего не будет. Брокер — человек безответственный. Сама знаешь.

Я поморщилась. Он намекал на сахарное дело.

— Ты думаешь, кто-то поверит в ошибку брокера?

— Неважно: поверит не поверит. Документы есть.

Как же он тогда ошибался!

Славик остался в машине, а я пошла к РУОПу...

Дорогие читатели!

Если вам нравится моя повесть, ставьте ей лайки и подписывайтесь [на мою страницу на Литресе](#).

С уважением,

Наталья Точильникова

Глава 6

Я приехала сюда в декабре 2005-го, чтобы посмотреть на этот дом, чтобы вспомнить.

Ничего! Никаких ассоциаций! Словно кто-то вырезал участок памяти

Красно-белое четырехэтажное здание с циклопических размеров железными серпом и молотом на фасаде, окруженное забором с кирпичными столбами. Шаболовка, 6. Неужели меня сюда вызывали?

Не помню!

Ни этих голубых елей, ни этих красных стен

Может быть, его отреставрировали? Или перестроили за десять лет?

Вот этого памятника погибшим РУОПовцам точно не было. Дата смерти первого героя, сраженного бандитской пулей, — 1994 год, потом 1995 и, кажется, 1996. Я здесь была весной 1995-го.

Помню, как поднималась куда-то наверх. Помню кабинет с совковой мебелью. По-моему, не было даже компьютера. По крайней мере, не помню.

Мне предложили сесть. РУОПовцев было двое: тот самый следователь Александр Николаевич Чижигов — мужчина средних лет и незапоминающейся наружности и его напарник помоложе.

— Давайте учредительные документы, Наталья Леонидовна, — сказал Чижииков.

Я протянула папку.

— Здесь все в порядке.

— Посмотрим.

Он долго переключал и придирчиво просматривал страницы.

— Мы снимем копии.

— Конечно, — кивнула я.

И папку унес напарник.

— Ну, что будем делать, госпожа Волховская? — поинтересовался следователь. — Расплачиваться собираетесь?

— Разумеется. Собираемся возвращать акции. У меня уже заключен договор на их покупку.

— Ну и?

— С нами не полностью расплатились. Ждем денег. Это вопрос недели.

Тем временем вернулся напарник. Сел на стул у противоположной стены.

— Значит, деньги есть? — спросил Чижииков.

— Частично.

— Перечисляйте!

— Это бессмысленно. Мы бы хотели расплатиться полностью.

— Перечисляйте то, что есть!

— Это рискованно. Тогда надо договариваться, заключить

мировое соглашение.

Александр Николаевич на минуту задумался, потом сказал:

— Посидите пока здесь, госпожа Волховская, нам надо посоветоваться.

Чижииков вышел из комнаты, напарник остался.

Совещался он долго, я устала ждать.

Встала и пошла к двери.

— Отсюда нельзя уходить, — сказал РУОПовец.

— Ради Бога, — развела я руками и вернулась на место.

Наконец, он вернулся.

— Так, Наталья Леонидовна. Возьмите ваши документы.

И он протянул мне папку.

— И запомните: деньги перечислить немедленно, мировое соглашение привести мне. Иначе вам грозит лет восемь. Это мошенничество в особо крупных размерах.

Вряд ли он понял, почему я так мило улыбаюсь.

Восемь лет! Я уже входила в расстрельную камеру, я уже чувствовала холод пистолета на затылке, я уже себя похорошила! А вы меня восьмью годами хотите напугать?

Вообще-то говоря, это был правовой наезд. Когда РУОП берет на себя работу рэкетиров и пытается выбить деньги.

По мозгам бьет.

Потому что восемь лет — тоже не подарок.

Меня отпустили. Посмотрели в мои честные глаза и отпустили. Из той самой конторы, где рвали ногти, приковывали

к батареям наручниками и подбрасывали наркотики и оружие.

И ничего не подбросили, и не тронули пальцем.

Может быть потому, что отнесли к тем самым добросовестным коммерсантам, которых столь уважал господин Рушайло, несмотря на то, что я не имела чести финансировать его достойную организацию.

Славик ждал в машине. Там, за углом, метрах в двухстах от Шаболовки, 6.

Я села к нему в мерс, и мы поехали.

— Куда? — спросила я.

— К БТИ. Ты забыла о моей квартире? Ее надо переоформить на меня.

— Нам надо перечислить деньги «ВЕСТЕ». Немедленно. И, знаешь, я бы хотела попридержать твою квартиру, пока я не увижу 720 миллионов в какой-либо форме!

Мы уже остановились у БТИ. Благо, там два шага.

Стас хитро посмотрел на меня. Я вспоминаю Бодрова-младшего в фильме «Брат». Вот точно такой же взгляд.

— Наташ, — сказал он. — На тебя уже лежит материал в РУОПе. Не переведешь квартиру — заявлю, что ты выманила ее путем мошенничества, и мне поверят. Легко!

— Мне тоже есть, что сказать, — заметила я.

Он рассмеялся.

— Ну, и что ты скажешь? Я не подписал ни одного документа. Все подписывала ты.

Я задумалась. Опустила голову, кусая губы.

Он пожал плечами.

— Ну, подумай, подумай.

Я думала о том, смогу ли играть жестко до конца. Так, как он учил меня. «Life is shot, play hard!» — его любимое высказывание.

Ну, допустим, я зажимаю квартиру.

Исходов два: либо он поддается давлению и расплачивается, либо действительно заявляет на меня в РУОП. Второй — больше в его характере. Заявит из одного только упрямства, чтобы не поступить по-моему. И тогда мне останется только рассказать все, как было. Поверят ли? Все подписи на документах — мои. Факт! Официально не оформлена даже передача ему фирмы «ЛЛЛ-брокер». Учредители просто выполняют его указания и назначают угодных ему людей.

Значит, я рискую больше. Может быть, мне и удастся утопить его, но себя я утоплю гарантированно. И расплачиваться он не будет принципиально, чтобы уж подставить меня на полную катушку.

— Что надумала? — поинтересовался он.

— Ну ты и сволочь! — сказала я.

Он усмехнулся.

— Я всегда знал, что ты умный человек.

Мы взяли в БТИ документы и поехали к нотариусу оформлять квартиру.

Я бы все равно не смогла ее не перевести. Он же мне ее

доверил, под честное слово. У меня есть некоторые моральные табу.

Жаль, что только у меня.

Говорят: «на честном слове держится». Почему это считается непрочным? Смотря чье честное слово.

— Слав, — спросила я после перевода квартиры, — скажи мне честно: они есть, эти 720 миллионов? Ты их видел?

— Давай остановимся и поговорим.

Почему-то мы оказались на Тверском бульваре. Совершенно не понимаю, почему.

Славик выгнал из машины охранников и шофера, и мы сели туда вдвоем.

— Знаешь, Наташ, — задумчиво проговорил он. — Я же вижу, что ты чего-то от меня хочешь. Ведь так?

Я усмехнулась. Неделей раньше я бы сказала, что люблю его, но теперь язык не поворачивался.

— Хочу.

— Вот именно. А по сравнению с тобой Ира Топорова абсолютно не обладает деловыми качествами. Ты вот сахар придумала продать, теперь — купить «Норильский никель». А она!

Он поморщился.

— Так что конкурируйте, соревнуйтесь. Я еще подумаю. Мы заявление не подавали.

— Она же «нравится», — сказала я.

— Это не самое главное.

— А что главное?

— Все вместе.

— Тогда о деле. Слав, мне было бы спокойнее, если бы эти 399 миллионов были перечислены «ВЕСТЕ». Потом доплатим со второй платежки. И с нее же возьмешь свои долги. А сейчас нужно немедленно договариваться с «ВЕСТОЙ». Я обещала привести в РУОП мировое соглашение. Есть вторая платежка?

— Наташ, ну конечно! — сказал он. — Ты что мне не веришь? Ты совсем с ума сошла!

— Тогда давай расплачиваться. И чем быстрее, тем лучше!

— Наташ, ты себя не контролируешь! Ты подпишешь мировое соглашение, которое заведомо не сможешь выполнить. И будет только хуже. Тебя надо спасти от тебя самой. Отдай мне печати.

Он взял мою сумку и вытряхнул оттуда печати фирмы.

— Все! Поезжай домой. Ты устала. Ты ужасно выглядишь.

Придя домой, я написала еще одно стихотворение:

Я чист перед Богом,

Неважно, что думает суд,

В безмолвии строгом

Меня конвоиры ведут.

Неважно, что сыщик

В глаза ухмыляется: "вор!"

Неважно, что свищет,

Как плоть надо мной приговор.

Неважно, что руки

Сложить приказали назад,

Неважно, что звуки

Решетки и стены дробят.

Неважно, что письма

Тюремщик обязан читать,

Неважно, что листья

В лесу пожелтели опять.

И пусть по острогам

Недолгий мой век протечет.

Я чист перед Богом,

А все остальное не в счет.

Ситуация казалась ужасной.

Вечером я позвонила ему.

— Слав, либо ты возвращаешь мне печати, либо немедленно освобождаешь от должности.

— Я не отпущу тебя, пока не доведешь дело до конца.

На следующий день, 4-го апреля, мы встретились вновь.

— Я нашел способ тебя спасти, — сказал Стас. — У меня есть друг Диомед Соколовский. Он предлагает тебе купить у него 25000 акций «Норильского никеля» на условиях опциона. По дешевке. По 3.3 \$.

И он протянул мне договор.

— Они у него есть? — спросила я.

— Да, конечно. Они у него реально есть.

Договор был помечен 27-м марта.

— А почему задним числом? — поинтересовалась я.

— Какая разница?

— Не знаю. Но 27 марта! Почему?

27 марта были переговоры с «ВЕСТОЙ», где мы договорились о возвращении акций.

— Число ничего не значит, — сказал он. — Ну, хочешь, переделаем? Только смысл? 27 марта, 4-е апреля Пустая тра-та времени! Из-за этого убить день на переделку договора? Тебе ведь акции нужны? Я предлагаю выход.

Я раза три прочитала договор. Он казался совершенно безопасным. И давал надежду.

— Какое странное имя «Диомед», — заметила я. — Он, что грек?

Стас пожал плечами.

— Не знаю, не спрашивал. Да вроде русский Ну, подписываешь?

— Да, — сказала я.

И подписала.

Понять смысл этого опциона и числа на нем мне предстояло только полгода спустя.

Вечером мне позвонил Стас.

— Знаешь, я все же решил тебя уволить, тем более что ты сама этого хочешь.

— Отлично, — сказала я.

— Пиши заявление и связывайся с Бек. Ты должна сдать

ей дела.

Я написала заявление с просьбой об увольнении по состоянию здоровья и созвонилась с Олей. Мы договорились встретиться на следующий день.

Ночью я собрала все документы, которые могли сыграть против меня, вплоть до листков из записной книжки. Вырвала по два: тот, на котором была сомнительная запись, и следующий, на котором она могла отпечататься. Разложила на кухне небольшой костер. Сжигала порциями по один-два документа, на дешевой фаянсовой тарелке с синей каймой. С тех пор на ней остались лучи черных трещинок.

Остальное сложила в папочку, чтобы отдать Ольге.

Перед встречей с ней я поехала в центр и зашла в книжный магазин «Москва». Здесь был ксерокс. Дорогой, зато далеко от дома и полно народа — не запомнят.

Вынула папку.

— Отксерьте, пожалуйста. Все в одном экземпляре.

Сложила копии в отдельную папку. И чуть не вскрикнула. На подушечке указательного пальца выступила кровь. Я порезалась о край бумаги.

Где-то на периферии сознания мелькнула мысль: плохая примета.

Через полчаса мы разговаривали с Бек. Она, почти не глядя, подмахнула мое заявление: была предупреждена. И приняла папку с подлинниками документов.

Копии остались у меня.

Вскоре после этого появился протокол собрания учредителей о моем увольнении и назначении срока для выборов нового генерального директора (15 апреля), подписанный всеми тремя учредителями: Олей Бек, Даниловым и Смирновым. Насколько я знаю, новый генеральный директор так и не был избран. Я же проработала в этой должности три с половиной недели.

Вечером я поехала к друзьям. Неподалеку от метро Свиблово жил мой знакомый со своей девушкой. Парня в поэтической тусовке звали «Аэглор». Он замечательно играл на гитаре, прекрасно пел и писал песни.

Он был еще красив этот Аэглор и проявлял ко мне явный интерес. Но дальше поцелуев дело не пошло: все мои мысли были заняты Славиком. Скромный бард был никем по сравнению со Стасом. Просто красивый парень с хорошим голосом.

Девушку его звали Эна, и она выдавала себя за ведьму и наполовину цыганку. Она и правда смахивала на цыганку, стройная, черноволосая и темноглазая. У нее была своя антропософская теория, которая при ближайшей рассмотрении оказывалась компиляцией из Ричарда Баха и Роджера Желязны.

Но меня не интересовали ее теории, я приехала за другим. Прошла на кухню, выставила на стол две бутылки какой-то молдавской красной хрени. Выложила пакет с пряностями.

— Эн, сваришь мне глинт? Я хочу напиться.

— Что случилось?

— Ничего особенного, — усмехнулась я. — Меня подставили на бирже на четыреста миллионов.

Я не стала вдаваться в подробности, что это был внебиржевой рынок и в чем суть операции. Они знали, что я работаю брокером.

Эна поставила на плиту кастрюльку и опрокинула туда бутылки.

— Наташ, я цедру лимона положу, — сказала она. — Будет вкуснее. И у нас еще мускатный орех есть.

— Давай, — кивнула я.

Аэглор зажег свечу. Эна любила вносить в пламя пальцы. Говорила, что заряжается энергией от духа огня. Только надо поддержать подольше, чтобы сажа осталась.

Я сунула руку в огонь. Мне надо было отвлечься, любым способом! Подождала, когда боль станет нестерпимой. Поморщилась. Посмотрела на ладонь. Полоса сажи сантиметра в полтора.

Откинулась на стуле и стала ждать, прислушиваясь к боли внизу живота: менструация началась на две недели раньше срока.

— А расплатиться не сможешь? — спросила Эна.

— Ты что смеешься? У меня квартира дешевле стоит.

Почему я пришла именно к ним, как только в известное место клюнула известная жареная птица? К тем, кто никто?

Как хорошо на свете быть никем

Странная квартира со странными обитателями. Стены кухни исписаны стихами и высказываниями на философские и мистические темы. Что-то об осознании, просветлении и самопознании. Висит на оконной раме красный китайский колокольчик, если дотронуться, позванивает, отгоняя злых духов. И на столе в грубом черном подсвечнике горит свеча.

Я пила глинтвейн чашка за чашкой, и их иллюзорный оккультный мир обретал реальность, а все биржи, акции и миллионы растворялись где-то во тьме по углам кухни, сгорали в пламени свечи, уходили к полотку с пахнущим парафином дымом. Собственно, этого я и хотела: забыться хотя бы на несколько часов.

«Неужели ты думаешь, что живешь в одном мире с биржевым брокером», — писал Ричард Бах.

Я выпила шесть чашек глинта и сказала, что поеду домой. Меня еще, по крайней мере, час выгуливали во дворе, чтобы привести хоть в сколько-нибудь вменяемое состояние, я шла по синусоиде.

Помню, что по обочинам дороги еще лежал снег, белый, почти зимний. А на асфальте уже стояли лужи. Было темно, вечер. Думаю, часов десять, одиннадцать.

Как вернулась — не помню.

Всю весну я писала стихи, которые вошли потом в сборник [«Я чист перед Богом»](#). Что это было? Осознание? Само-

познание? Просто необходимость излить душу?

В конце апреля я начала сочинять стихотворение под названием «Синдром Родиона Раскольникова», где следователь РУОП Александр Николаевич Чижиков назван (ясное дело!) «Порфирием Петровичем»:

Порфирий Петрович!

Алло! Да, конечно. Да я.

"Порфирий Петрович,

Куда мне бежать от себя?"

В одиннадцать, ровно?

Зачем под охраной? Приду!

Рукою бескровной

Дрожащую трубку кладу.

Эта история вообще полна мистический совпадений: тринадцатое число, детские страхи, порез на пальце Но на этом стихотворении оккультный барометр просто зашкалило!

На следующий день мне позвонил следователь РУОП Александр Николаевич Чижиков.

— Наталья Леонидовна?

— Да.

— Как у вас дела? Расплатились?

— Я ушла с должности почти месяц назад. Не знаю. Я сдала все дела.

— Почему ушли?

— По состоянию здоровья.

— И ничего не знаете?

— Ничего.

— Ну, ладно. Выздоровливайте.

Я положила трубку и вытерла со лба холодный пот. И не могла прийти в себя еще неделю. Хотя вроде бы ничего страшного не было в этом разговоре.

Теперь настало время рассказать о том, что тогда, десять лет назад, было известно только адвокату и священнику. У меня до сих пор дрожат руки, мне страшно. Но без этого не стоило и начинать.

В мае мне позвонил Славик.

— Привет, Наташ. Нам надо встретиться.

— Зачем?

— Я тебе кое-что должен.

— Да, — сказала я.

Я прекрасно поняла, зачем он меня вызывает.

Не помню, где это было. Кажется, в названии ресторана присутствовало слово «русский» или «славянский»: то ли «Рэдиссон-славянская», то ли «Славянский базар», то ли еще что-то в этом духе. Помню, что цена была запредельной: 200\$ на брата.

Большой зал с колоннами, увитыми искусственными цветами. Между столиками снуют официанты в атласной русской рубашке. Наверное, правильно «половой». Подают жареную осетрину и французское розовое вино. Это сейчас я знаю, что розовое вино — Прованское, а южно-французские вина — одни из самых дешевых, но тогда мы были наивными

и неискушенными. Казалось — круто! Осетрина, по-моему, куда менее вкусна, чем в несравнимом по цене «Русском бистро». Или она у меня в горле застревает от такой дороговизны?

На столе стоит свечка. Я сую в нее пальцы: я не боюсь огня.

Говорю тоном пророчицы:

— Слав, давай расплатимся с «ВЕСТОЙ», и я откажусь от гонорара. Это плохой год, несчастливый, у меня дурные предчувствия. Все это плохо кончится, я же вижу!

Он хмыкает.

— Наташ, вот интересно, ты же не глупее меня. Почему же у тебя денег меньше?

— Потому что я не хочу портить себе карму.

— Да ладно, карма! Фантазерка ты! Веришь во всякую ерунду.

Он достает из внутреннего кармана пиджака толстый конверт с деньгами.

— Ну, что, берешь? А то могу и не платить.

Беру, конечно, беру. Куда ж я денусь? Я прекрасно понимаю, что произошло, и что за чем последует. Мне понадобится адвокат. Я беру их на адвоката.

— Здесь три с половиной, — говорит он. — Я оштрафовал тебя на тысячу, потому что ты ушла, не закончив работу.

Да, три процента — это 4500 \$. И минус штука.

Беру, вынимаю из конверта стодолларовку.

— Слав, это нечистые деньги. Нас посад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.